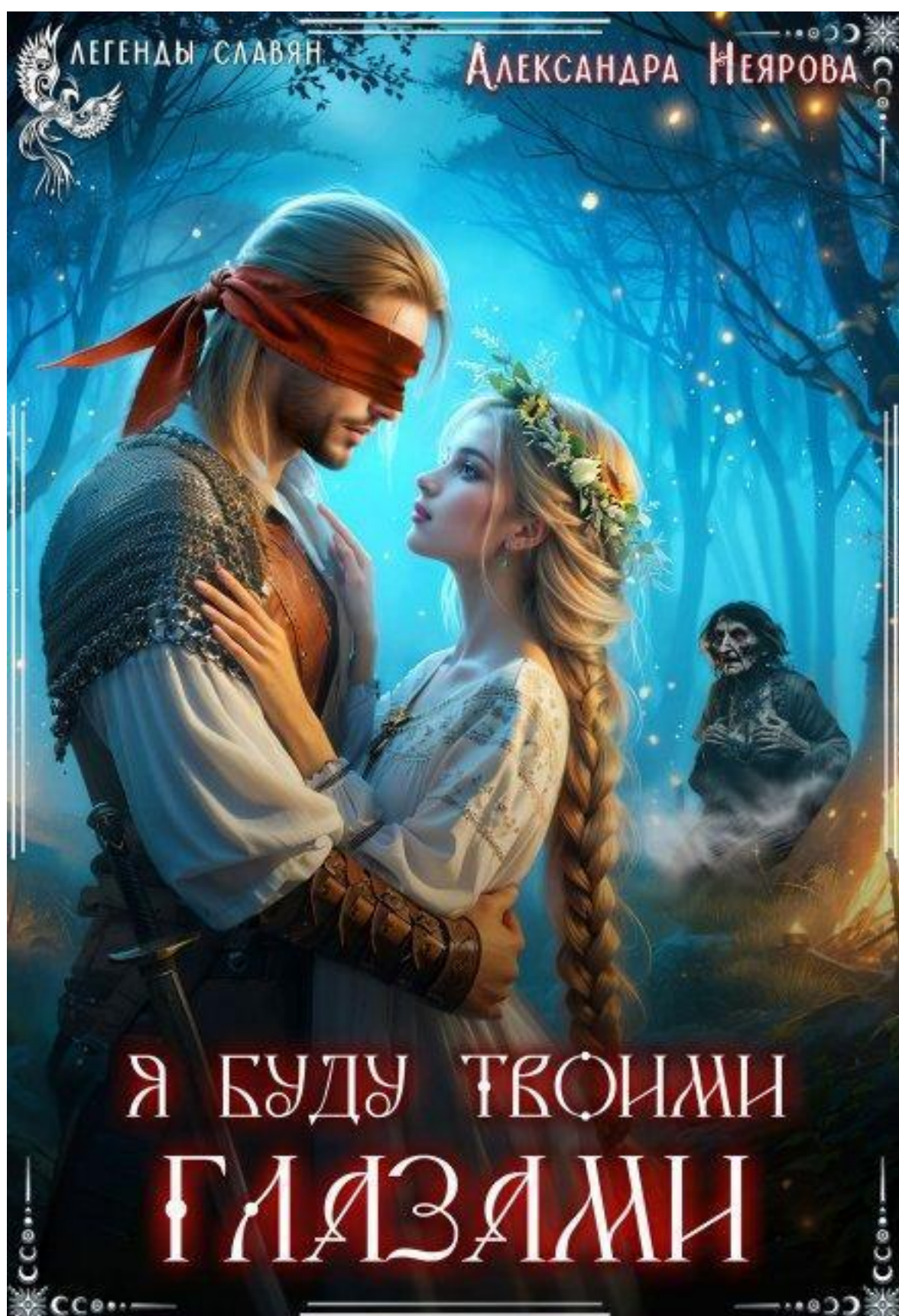

ЛЕГЕНДЫ СЛАВЯН

АЛЕКСАНДРА НЕЯРОВА

Я БУДУ ТВОИМИ
ГЛАЗАМИ

Александра Неярова

Я буду твоими глазами

«Литнет»

2024

Неярова А.

Я буду твоими глазами / А. Неярова — «Литнет», 2024

Верея сбегает от нежеланного замужества в чужие земли, где жила ведунья отшельница. Там её ждет изба ветхая в наследство, дар сильный... и непрощенный суровый жилец. Совесть не позволяет его за порог выгнать – проклятый воин дух испустит. Придется уживаться, лечить и отпустить на все четыре стороны. А в глупом сердце с каждым днём зарождаются чувства. Но любить нельзя... незваный гость оказался не простых кровей. Между ними пропасть из старых ран, вражды, тайн и страшной правды, от которой не убежать. Что окажется сильнее? Способна ли любовь перечеркнуть ненависть и смерть? ✓ любовь вопреки ✓ нежная и находчивая девушка веда ✓ суровый воин, вынужденный сосед ✓ загадочные силы ✓ в меру вредный сокол, верный друг и помощник ✓ тайна ценой в жизнь ✓ элементы бытового фэнтези Если история понравилась ♥ # нажимайте звёздочку и добавляйте в библиотеку!)

© Неярова А., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог 1	5
Пролог 2	7
Визуализация	10
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	55
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Пролог 1

Сокол Зорко зазывал к избушке. Что-то случилось.

Никак, тать какой!

Веря пустилась на крик через заросли, следом колыхнулся в листве ветерок, ринулся с веток и окатил моросью. Двух упитанных зайцев она тащила за уши.

Странный шум, доносящийся из избы, насторожил. Веря свет в оконце за занавесью приметила, но не помнила она, что свечу зажжённую оставляла на столе, даже не вынимала из сумки её.

Не дух ли дома, часом, шалит? Надобно бы задобрить.

А в окне мелькнул тёмный силуэт.

Большая тень. Высокая. Явно не домового.

Никак, путник какой забрёл и хозяйничает в наглузую?! Аль разбойник?

Зайцев Веря наземь опустила, подобрала ветку крепкую на вид и крадучись направилась к ступеням. Немедля отворила дверь и влетела в внутрь, собираясь выгнать гостя непрошеного, да так и застыла в сенях с занесенной рогатиной.

Дверь в клеть была раскрыта, Веря увидела рослого и широкоплечего светловолосого мужчину. Он стоял спиной к входу, в простых штанах и рубаше льняной, пригнувшись, пил из ковшика воду, которую Веря с таким трудом натаскала в бочку.

В сапогах грязных затащился на вымытые половые доски! Она тут спинугнула, убиралась, а этот... у-ух! Невежа какой!

– Т... ты кто?!

Голос её прозвучал не таким грозным, как хотелось бы. Губу закусилась с досады.

Незнакомец замер, утолять жажду перестал и медленно повернулся к Вере с деревянным ковшом в руках. Первое, что она увидела, – это повязка на его глазах. Гость был, вероятно, слеп или болен.

А ещё красив и молод.

Суровая его красота. Дикая. Мужчина – воин, поняла Веря. На поясе у него висели добротные ножны с кинжалом. И она против него с одной веткой?

– Кто ты? И что забыл в моём доме? – ожесточила тон.

– Живу я здесь, – произнёс невозмутимо. По звуку голоса гость безошибочно определил место, где она стояла.

– Как живёшь? Эта хижина мне принадлежит, – пробормотала растерянно, топчась на месте. Истину ему сказывала, раз древланка здесь обитала.

– А-а, ты хозяйка, стало быть. Объявилась наконец, – произнёс странную фразу.

И шагнул ближе, руку протянул, собираясь... что сделать?

– Стой! Не то... – взмахнула грозно корягой и спохватилась: не видит он её.

Воин слеп.

Незнакомец стремительно надвигался. Охотничьи инстинкты Вереи сработали быстрее разума.

Пнув пяткой стоящее на лавке у входа в сенях пустое ведро в сторону, чтобы мужчина отвлёкся на созданный грохот, сама бесшумно переступила в другую, незаметно подныривая у него под рукой. И как только молодец повернулся на звук, со всего маху приложила его по затылку рогатиной.

Не ожидавший подобной прыти, молодец с грохотом, как подкошенный, рухнул на пол, растянувшись в тесной избушке во весь свой немалый рост. Верхняя половина туловища оказалась в клетушке с печью, а длинные ноги в сенях.

Веря прижала ладонь к своему рту... а не прибила ли она его, часом? Затих ведь и более не шевелился.

– Ох! – опомнившись, метнулась зажечь огнём пару лучин, поскольку света от одной чадающей свечи кот наплакал. А как сделала, вернулась к лежащему на животе без движения мужчине.

Стоило его всего осмотреть, как сердце дрогнуло от жалости. Вся его рубаха на спине и правый бок были залиты бурными пятнами – разводами крови, кои впотьмах она сперва приняла за грязь.

Выходит ранен он... за помощью пришёл.

А она его рогатиной и по затылку!

Пролог 2

Несколькими зимами ранее...

Князь Буревой с умиротворением всматривался с холма в объятые пламенем богатое селение перед собой. Языки огня жадно вгрызались и пожирали брёвна добротных теремов, лизали замысловатые узоры охранных рун, покрывавшие высокие двери.

Не помогли заклятья ведунов, вырезавших их под шепот молитв...

Занялись огнем и горбившиеся низенькие домики с деревянными пристройками для скота и мелкой живности. Сизый дым клубился над крышами, поднимался к ещё тёмному предрассветному небу, смешиваясь со скользящими по глади тяжёлыми облаками.

Вокруг царила неестественная тишь.

Звуки славного сражения, воинственные крики, лязг стали, плач и стенания умирающих стихли. Всё живое затаилось на мгновения кровавой бойни.

В камышах полноводной реки не шумел ветер, её серебристая гладь не тревожилась медленной рябью рыбьих плавников. Цапли покинули эти места ещё до начала сражения, другие обитающие здесь птицы спрятались в растущих вдоль берегов кустарниках и густых ветвях леса за частоколом.

Поредевшая волна из высоких, крепких, одетых в лёгкий доспех словенских воинов сновала между домов и строений в поисках выживших.

Буревой сплюнул на землю надоевшую травинку, что жевал во рту. Опустил на пояс руки, правая была перетянута лоскутом чей-то рубахи, пропиталась кровью и потом.

Где-то там внизу лежит его поверженный враг.

Достойный был противник. Редко встречались такие. Рана на память от него осталась. Узором белесого шрама на коже потом можно любоваться.

Древляне их не ждали. Под покровом ночи пара воинов по-тихому пробрались к воротам, легко управившись с караульными и раскрыли ворота для остальной дружины. На шум выскочили пробудившиеся селяне и оказали наконец сопротивление, но нападавшие задавили их числом и внезапностью.

– Княже!

К Буревому, отвлекая от раздумий, подоспел сотник. Он вбежал на вершину холма, а с ним и молодой княжич прибыл.

– Смотри, там кто-то движется.

Воебор указывал в сторону леса. Три невысокие тени, пригнувшись крались по краю оврага к кромке берёзовой рощи. Дым от пламени служил до сей поры им прикрытием, но не свезло, заметили беглецов.

– Стреляй, сын! – твёрдый голос свирепого воина рассёк воздух хлыстом.

Княжич выудил из колчана стрелу, натянул на тетиву лука, прицелился. Дым рассеялся на несколько мгновений, позволив рассмотреть, что там за тени такие, и княжич замер в нерешительности. Сотник приставил ладонь ко лбу, обожжённые глаза прищурил.

– Дети кажись.

– Никого нельзя оставлять в живых. Особенно отпрысков врагов, они вырастут и придут мстить.

Буревой сам таким был.

Давным-давно, когда он мальчишкой бегал по земле, на его острог напали варяги. Разграбили селение, женщин попортили, пленили сильных мужей и девиц молодых красивых в рабство увели, а дома сожгли. Ему чудом удалось улизнуть и отсидеться в зарослях орешника. Тати колючки не сунулись проверить. Он кусал кулаки до крови, чтобы не выть вслух, слёзы горечи глотал, а сердце наполнялось яростью и жадой расправы.

Буревой выжил, взрастил в себе чёрный яд ненависти к варяжским племенам и однажды свершил месть – голова того вождя, что принёс беду в его дом, скатилась с плеч. А он войском верным обзавелся и княжество своё отстроил, городище целое!

Единственного сына растил по своему подобию. В походы с собой брал на север, восток и запад, морем и сушей, завоёвывая один за другим окрестные народы. Прививал ему отчаянную храбрость, жажду власти и славы. Чтоб карал недругов без сожаления и правил после него твёрдой волей.

Молодой княжич медлил.

Руки его, держащие крепко лук, дрожали, а сердце сжималось от жалости к двум убегающим девочкам и мальчонке несколькими годками младше.

Дети же! Как можно...

– Златояр! – от гневного окрика отца княжич вздрогнул.

Сильнее натянул стрелу на тетиву и...

...Опустил оружие. Не смог выстрелить в беззащитных детей.

Буревой сурово свёл брови, ничего не сказал. Выхватил у него лук, раздался знакомый свист, старшая светловолосая девочка, что тянула за руки своего братца и соседскую дочку мельника, подкошенная, упала и скатилась в овраг. Другие дети вскрикнули и заревели навзрыд. Звали её.

Следом в них полетели стрелы, смолкли их крики – дружинники князя закончили начатое. Чуть они не добрались до окраины рощи. Могли бы спастись, не заметь их зоркие глаза княжих воинов.

Всё, не осталось никого в живых из поселения древлян. Сегодня Буревой пленных не брал.

– Уходим. Больше нам здесь делать нечего, – князь положил юному сыну ладонь на плечо.

Златояр повёл плечом, сбрасывая руку отца, смерил неодобряющим взглядом, но смолчал.

Итак уже ослушался. Выдохнул резко, силясь унять клокочущую ярость в груди, да сбегал вниз по склону холма. Прочь направился к осёдланным лошадям, возле которых мялись дружинники.

Буревой провожал спину княжича тяжёлым взором. Осуждал его сын.

– Молод он ещё и горяч, – незаметно для князя сотник покосился на овраг дальний, бороду огладил. – Поймёт потом.

В глубине души Воибору было также жаль несчастных, но правителю виднее, как поступать.

Вскоре войско словенского князя покинуло эти места со многими загубленными жизнями. Грянул гром, на землю обрушилась стена дождя, смывая кровь. Мать природа плакала над свершившимся здесь неправильным, страшным правосудием по злой указке...

Потушив языки голодного пламени, дождь стих. Ветер разогнал свинцовые тучи прочь, и легкие, как лебяжьи перья облака, затронули первые лучи солнца, горделиво выплывшего из-за светлеющего горизонта.

В овраге зашевелилась светлокосая девочка девяти лет.

Ей повезло, боги отвели от неё смерть – стрела угодила в мышцы левого бедра, не задев сосуды. Древко с пушистым полосатым оперением торчало поверх одежды.

От силы удара ноги подкосило, девочка потеряла сознание и скатилась по насыпи в низину, хорошо не на самое дно, где к обеду налилась глубокая лужа дождевой грязной воды.

Выжившая древлянка не с первой попытки вскарабкалась на луг. Придерживаясь рукой за рану – знала, что вытаскивать пока нельзя, крови много потеряет, – она поднялась и застыла. Широко распахнутыми глазами, наполненными сожалением и болью, осмотрела остатки пепелища.

Воздух уже не пах гарью так явно. Дождь прибил запахи, и пепел. Обугленные остовы домов печально таращилась в небеса. Почти все тела растащили дикие звери.

Ту, в жилах которой текла ведунская сила, они не тронули.

Девочка обломала древко стрелы, шикнув от боли, в руке крепко зажала, покачнулась, но устояла. Запрокинула голову к небу, сделала вдох, еще один, судорожно выдохнула.

Она не понимала, как здесь очутилась. Кто она сама. Память отказывалась открывать страшные события произошедшего. Боги оберегли от ужаса. Сердце ныло в груди, тоска по кому-то родному и близкому истязала душу.

Слёзы влажными дорожками потекли по чумазому лицу, девочка перекинула светлую косу за спину и сделала первый шаг, второй дался легче. Хромала, но побрела куда глаза её вели, подальше от опустевших земель.

Визуализация

Очи, молодец, открой!

Что клубится над тобой?

То ни тучи-кутерьма,

То проклятья злая тьма.

Очи, молодец, открой!

Ох, ершится за спиной!

То ни ёлка, то ни ёж,

То проклятья вострый нож.

Очи, молодец, открой!

Кто спустился за водой?

Ни в колодец, ни в ручей,

В Нави - царствие смертей!

Очи, молодец, открой!

Ищет дева ход домой,

Чтоб водою окропить

И проклятье победить.

Ох, гляди, как ярок мир!

Красен, зелен, да... не мил!

Где же та, что ворожбу

Разметала на ветру?

(Наталья Кулаева от 25.02.25)

От души благодарю *Наталью Кулаеву* за такой прекрасный отзыв в стихе!

Глава 1

Лес шумел песни в кронах, молодые листья переливались в солнечном свете, поскрипывали ели серо-бурыми стволами. В ветвях орешника заливисто щебетали птицы. Хорошо тут и спокойно. Не беспокоит никто.

Рви землянику – не хочу!

Светлокосая девица и наполняла плетёную корзину, срывала спелые сочные ягодки и бросала одну за другой к остальному множеству. Почти до краёв добрала. Ещё чуть и можно домой отправляться, а к вечеру матушка пироги вкусные напечёт.

Лес шептал, листвою шелестел. Верея любила слушать говор деревьев. Много интересного они сказывали, приносили добрые, а порой и тревожные вести с дальних окраин земель и городищ.

Легко это у ней получалось. Старица Баяна из селения всё твердила, что в ней дар веды дремлет, да обучить и подсказать некому. С волхвом в остроге у Вереи не сладилось, не нравилась она ему и все тут.

Чужая в Калиновке Верея.

Староста Горян десять зим назад нашёл её на дороге раненую, напуганную и грязную. Шла она откуда-то, долго шла, из сил выбилась и повалилась на обочине под сенью леса у звериных троп. Там и нашел её староста, кой охотой тогда промышлял.

Пожалел несчастную девочку и приютил в свою семью. У них с женой Деяной сын старшой только получился, а они всё дочку хотели. Вот и сошла найдёныш им за дочь желанную.

Верею Горян с Деяной любили, как родную. Относились хорошо, не обделили ни разу ни пищей, ни обновками, ни леденцами. И с сыном их она сразу сдружилась.

А о своём прошлом Верея ничего почти не помнила, темень сплошная. Только обломок древка стрелы с причудливым оперением, да оберег напоминаем остались, который она носила на груди по сей день, не снимая.

Ниточки эти связывали с туманным прошлым.

В корзинке уже высилась горочка из красных год. Верея поднялась на ноги, отряхнула мелкие травинки и сухие веточки с подола сарафана. Косу толстую за спину закинула и голову к небу обратила, светило уже встало в зенит. Задержалась она, нужно поторопиться. Подняла тяжёлую корзину свою и направилась по стёжке в сторону ворот деревни.

Тропка становилась всё шире и приметнее, ельник и стройные березы редели. Верея вдохнула густой, пропитанный грибами и хвоей воздух. Вот опушка знакомая показалась и валуны большие, до селения рукой подать.

Чьи-то руки неожиданно накрыли глаза со спины, вынуждая остановиться. Сзади прижалось поджарое тело молодого мужчины.

– Угадай кто?

Знала она прекрасно, кто этот наглец – братец названный.

И откуда только взялся? Не за пнём же вон тем старым замшелым таился? Не поместился бы. Верея посетовала на свою невнимательность.

– Ждан ты.

Попыталась отодвинуться, не позволил, сильные руки опустились на талию, обняли, а губы молодца трепещущей жилки на шее коснулись. Прохладная дрожь пробежалась по телу от неприятных ощущений. Выросли они оба. И последние пару лет сын старосты проходу не давал, говорил, что его Верея будет.

Кабы не так!

И вроде статен сын Горяна, красив, не глуп, а не тянулось к нему сердце. Чувствовала, не её он суженый. Не он в мужья предназначен.

– Чего тебе? Пусти, а не то хворь нагоню. Седмицу в постели проваляешься.

Не шутила. Могла сотворить и ещё как. За это её в Калиновке уважали, но и побаивались.

– Перестань быть такой колючей, – Ждан сразу отступил и свободу дал.

Как-то раз наворожила Верея ему с животом помучиться. Помнил ещё и опасался, рядом пошёл, а корзину тяжёлую забрал – пусть себе несёт. Ей же лучше.

– Отец тебя зовёт. Поговорить хочет, – сказал вдруг.

В груди отчего-то шевельнулась тревога. Не к добру это.

– Раз так, то идём скорее, – ответила севшим голосом Верея и прибавила шаг.

Взгляд некровного брата жёг между лопаток.

Верея запустила руку в связку оберегов, три всего висело на тонкой шее, сжала в ладони Ладинец. Пальцы провели по восьми граням загнутых лучей в форме солнечного круга, и серебро в ладони потеплело.

Хоть глубоко вкралось предчувствие смутное, амулет из прошлого принёс немного спокойствия.

– Так отчего батюшка тебя послал за мной? Срочное что-то? – попыталась вывести, вдруг обмолвится Ждан.

Лес кончился, они пошли вниз по склону холма вдоль вспаханного поля, а за ним неподалеку показались пики частокола с высокими башенками острога Калиновки. Солнце то и дело выныривало из-за пушистых облаков, хорошо пригревало луга и серебристую гладь неширокой речушки, колыхались мерно ростки пшеницы на ветру.

– Не ведомо мне. Скорее всего предстоящие празднования обсудить хочет. – Ждан ступал рядом, успел пару красных ягод в рот закинуть, ещё бы пробовал, но хмурый взгляд Вереи отбил охоту.

Верно, он спину не гнул, на корячках по лесу не ползал, землянику не рвал. Улыбнулся виновато, руку за голову завёл и взворошил тёмные – в мать, волосы на затылке и макушке.

– Вчера ещё хотел поговорить, но ты с подружками допоздна за рукоделием просидела, а поутру раннему в лес кинулась. И что тебя в дебри вечно тянет?

– Не понять тебе, – отмахнулась от него, ничего путного не добившись. На бег перешла, однако братец не думал отставать, припустил следом, чудом ягоды по дороге не рассыпая. А если бы растерял, Верея в лес бы его погнала, заново корзину набирать.

– Так объясни, а не уходи. Почему избегаешь меня? Нос воротишь, али не мил? – в голосе обида крылась. Ждан за руку изловчился поймать, пришлось остановиться.

Этого неудобного разговора она и старалась не допустить. Не хотелось Верее ссориться с ним. До этого как-то удавалось ускользать, видимо, настало время для разъяснений. Она взглянула в лицо молодца прямо.

– Я вижу в тебе только брата, а не мужчину, которого могла бы полюбить. Ты хороший, Ждан, надёжный... – в грудь больше воздуха набрала, собираясь с духом и сказала твёрдо: – Отступись от меня пока не поздно. Обрати взор на других. Уверена, любая девица в селении будет рада отдать тебе своё обручье.

Тяжёлое молчание опустилось меж ними. Сын старосты упрямо не хотел слышать слов этих. Не принимал, что отказывает.

Смотрел на прекрасную девушку перед собой, дивился и любовался. Макошь не обделила Верею ликом светлым. С березкой гибкой её можно сравнить: стан тонкий, талия узка, двумя ладонями обхватить легко. Кожа белая, копна волос золотая до самых лодыжек спускается.

А глаза – отражение чистого неба, ясные и голубые. Взгляд глубокий, нырнешь и утонешь.

Вот и Ждан тонул в их пучине. С первого дня, как увидел в тот день, когда отец привёл Верею в дом, на три зимы он её старше всего был. Злость пробрала, что отвергает снова, желваки заиграли на скулах.

– Не нужны мне другие девицы! Ты любя мне. Знаешь же, что не брат тебе я вовсе. И ты мне не сестра по крови.

До хруста сжав в руках несчастную корзину, обогнул Ждан застывшую Верею и стремительным шагом направился прочь. Чтобы глупостей в порыве не наделать.

А Верея провожала его печальным взглядом. Грузно вздохнула, губы закусывая, нелегко будет с ним отныне общаться. И тоже поспешила в деревню, староста-то ждал.

Голоса деревенских доносились с подворья, здоровались с Вереей, она в ответ головой кивала. Козы блеяли, куры квохтали, собаки приветливо лаяли и хвостами виляли, завидев её. Животина её любила.

Помогала она порой худый скот выхаживать, и люди обращались, когда была надобность. Старица Баяна, мельника жена с окраины, травы некоторые знала, пропорции и какие именно нужны от хворей всяких. Или наоборот, для других целей. Всему её научила.

И лесные хищники не трогали, стороной обходили.

Был у Вереи друг верный – сокол ясный. Спасла она его однажды, теперь души их связаны.

Две зимы с тех пор минуло. Гнездо сапсана в лесу при остроге было. Молодой совсем соколенок на охоту отправился, так увлёкся грызуном, да не заметил, что и сам добычей стал хищника покрупнее и опытнее, попался в лапы лисице. Верея тогда чудом подросла, уговарила рыжую не трогать несчастную птицу. Пришлось хитрой свою дичь отдать, но для благого дела не жалко.

Зато верного друга и помощника обрела. Куда ценнее!

Вспомнила сокола и радостно на душе сделалось. Славно они с ним на охоту ходили, никогда с пустыми руками не возвращались.

Веря повернула за плетень, показалась высокая кровля хоромин, конек резной и наличники на окнах кружевные. Миновала калитку, ладони в колодце сполоснула от сока ягод лесных, сад с розовыми бусинами вишен и яблоками зреющими прошла и до порога добралась, заскочила на него, толкнула дверь дубовую и в сени вошла. Остановилась на миг в переходе, прислушиваясь, чтобы понять где домашние.

Доносился из глубин терема тихий говор, Ждан наверное корзину уже матушке Деяне передал, а она тесто на пироги в кухонной клети затеивала. И Горян там, слышала его басистый голос.

Чуть позже зайдет к ним. Поторопилась сначала Веря вверх по лестнице и в светлицу свою повернула, переоденется сначала. Как не старалась быть аккуратной, а на подле и рукавах белых пятна красные наставила.

В хоромине просторной залезла в сундук, одеяние испачканное скинула на лавку, выстирает потом, а чистую рубаху и сарафан голубой надела. Теперь можно и в трапезную спускаться.

Староста сидел во главе стола, Ждан по правую руку от отца, они переговаривались о насущных делах. Деяна суежилась, выставляла яства на скатерть. Смоляные толстые косы, как положено мужней женщине повой прикрыты, с возрастом не утратила она красоты, лишь немного лучистых морщинок в уголках глаз и у скул виднелись.

– Доброго дня матушка и батюшка, – Веря кинулась помогать. Мясо в горшочках глиняных было и репа, квас с зелёным луком, и вареные яички и другое. Не богато жили, но в достатке.

– Доброго, дочка, – отозвался Горян, подкручивая усы. – Много земляники принесла, молодец. Силки не проверяла?

– Нет, не дошла я. Сразу ягодами занялась.

Пока накрывали, Веря чувствовала на себя пристальный взгляд отца названного, а Ждан наоборот смолк и отвернулся. Деяна передала ей в руки корзинку с хлебом, завернутым белым с вышитыми узорами полотнищем, чтобы не заветривался, поставила на стол её и искоса посмотрела на старосту.

Чуть тронутые сединой светлые брови от извечной хмурости сошлись на переносице, но тонкие губы его сжались. В карих глазах прохладное беспокойство мелькало. Заметил напряжение между детьми.

– Проверь сходи тогда опосля Ждан, вдруг кто попался.

– Да, отец.

Ели и вели незатейливые беседы. Обсудили, что у соседей случилось накануне: у кого куница курицу утащила, у кого дочь младшая первые шаги делает, ходить учится и в этом духе. А под конец Горян плеснул в деревянную чашу душистого сбитня, отпил, вытер густые усы рукавом льняной рубахи, и заговорил о том, отчего у Верей сердце вскачь пустилось.

– Вот что, Веря... засиделась ты у меня в девках. Девятнадцать годков по весне исполнилось, а ещё не пристроена. Твои сверстницы по несколько детей имеют. И тебе пора.

Деяна вскинула на мужа глаза, собираясь возразить, но напоролась на суровый взгляд Горяна и стушевалась. Вымученно улыбнулась дочери, а сама Веря окаменела, и от лица краска отхлынула, понимала к чему отец ведёт.

Ждан внимательно прислушивался к словам, кулаки на столе его сжались, что не укрылось от старосты. Знал и видел Горян, что между детьми происходит, не слепой.

– Я ждал пока сама укажешь на любого сердцу молодца, не неволил тебя принудительным выбором, как и обещал когда-то. Но время идёт, мы с Деяной не молодеем с каждым днём, – промочил горло и поставил на скатерть чашу со сбитнем. – Кузнец Добран сына своего за тебя сватает. И другие спрашивают.

В груди сжалось всё и заморозилось протестом.

– В общем... не выберешь суженого сама в Купальскую ночь – я это сделаю. Вот моё окончательное слово.

– Воля твоя, батюшка, – шепот слетел с уст. Верея глаза свои ясные опустила, чтобы не видели домашние полыхающего в небесной глубине негодования.

А Ждан не выдержал, вскочил на ноги и быстрым шагом покинул клетушку. Горяч был парень.

Тяжёлым взором проводил Горян сына, вздохнул.

– Я тоже пойду, дел невпроворот, – так и не смела Верея от стола глаз оторвать. Опираясь ладонями о край, поднялась с лавки, поскольку колени дрожали. – Баяна звала с вечера помочь с травами и подруженьки с приготовлениями к гуляниям.

– Иди, иди, дочка. Я сама тут приберу.

Деяна понимала противоречивые чувства, которые терзали сердце дочери. Её саму выдали поневоле за Горяна в тринадцать зим от роду молодой красной девицей. Не сразу к ним любовь крепкая пришла. Много пережили они вместе, и ссоры, и горести, и слёз было пролито немало. Учились на чужих и собственных ошибках взаимопониманию и уважению.

Это потом с годами привязанность глубокая появилась и зерно чувств зародившихся корни сильные пустило, да ростки. А теперь души друг в друге с Горяном не чают.

Хотелось, чтобы и у детей так случилось. Материнское сердце в тревоге маялось, счастья Деяна им обоим желала.

– Как бы дров наш сын не наломал, – забеспокоилась. – Пошутили, видно, боги над ним, попутали нити судьбы.

Подошла к мужу и руки на широком плече старосты сложила. Горян обнял жену, за талию привлёк к своему боку.

– Не должен. Не так я его учил и воспитывал, – маленькие ладони жены своей большой накрыл, поцелуй лёгкий на коже запястья оставил, – Не переживай, разберутся сами, не маленькие поди.

Как тут не переживать!

– Не люб Ждан Верее. Дочь на него и не смотрит. Ни на кого из юношей в селе не смотрит. – И зашептала вдруг тише: – Может, к волхву Краславу обратиться?

– Нет! И не думай даже, – сказал Горян, как отрезал. Сурово на жену взглянул, та голову в плечи вжала, кивнула покорно. – Ты знаешь, что Верее не легко. Она не помнит из каких краёв и кто она. Места своего не чувствует здесь, хоть и пытались мы растить её в заботе и любви. Тяготит её туманное прошлое.

– Ты так и не сказал ей, где нашёл?

– Нет, не стал... – произнёс мягче и тише, руки Деяны пальцами оглаживая. – Незачем Верее знать откуда она родом. Не зря боги скрыли ей память, значит нужно так. В том остроге смерть и пустота лишь остались. И девочка та маленькая сгинула, стрелой убитая.

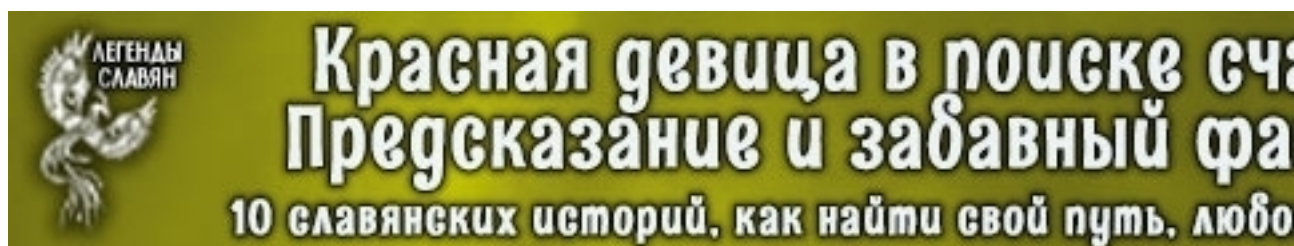
Староста Калиновки провёл по бороде, сбитнем ещё угостился. Карие глаза его в темноту угла уставились. Вспомнил он те места далёкие и гиблые. Не тати на селение древлян напали. Если разбойники так они бы добро нажитое растащили, а оно там, поговаривали, не тронутое лежало, в домах всё погорело. Даже золото с серебром. Коли сберечь хочет дочь, что своей назвал и в род принял, тайна эта с ним в могилу уйдёт.

– Не ходи к волхву. Ворожба до добра ещё никого не доводила.

– Хорошо, пусть так, – согласилась Деяна, и со стола стала убирать. А Горян добавил:

– Макошь рассудит, направит, а Лада поможет и защитит.

История участвует в литмобе славянского фэнтези "Легенды славян"

<https://litnet.com/shrt/nx9G>

Глава 2

Дом жены мельника стоял на отшибе. Добротный, мастером по дереву муж ее славился. Одного взгляда в окно хватало, чтобы сердце наполнилось покоем и умиротворением. Баяна летом не затягивала раму бычьим пузырем, любила любоваться каймой леса и цветущими лугами, утеплила хорошо ставни, холод не проникал по ночам.

Простирались за окном знахарки огромные поля пшеницы, щедро обласканные лучами яркого солнца, а неподалеку стояла старая мельница и усердно постукивала, недавно сделанными местным умельцем сваями.

Сегодня покой в душу Вереи приходить не хотел. Она сидела угрюмая на лавке, пучки трав свежих перебирала, что они с Баяной недавно насобирали. Одни пойдут на сушку, из других старица с волхвом Креславом сварят русалий отвар для Купальской ночи.

Его отведают все девицы молодые, не мужние, и пойдут потом хороводы водить, да бегать по дебрям леса, искать суженых и миловаться с тем, кто приглянется и словит. Свадебки опосля сыграют, ежели не все, так большинство.

– Чего ты приуныла? Совсем не весела?

Баяна у печи возилась, седые косы её были убраны, понева мукой запачкана, пирожки она готовила и угощение разное для празднества. Блинцов ещё нажарит. Мельник Ириней во дворе возился, птицу рубил, да дрова для очага. Сыновья их выросли, дома отстроили и уже собственных детей растят потихоньку.

Каждая семья нынче занята приготовлениями, чтобы самим отдохнуть и богов уважить. Издавна так повелось и предками заведено. А коли плохо Купалу отгулять не уйдут русалки, не успокоится другая нечисть – жди беды потом малым урожаем и иными напастями.

– Как не печалиться мне? Батюшка велит завтра на суженного указать, – поделилась Верея тем, что тяготило. Ножом она рубила корешки редких трав, в миски их отправляла. Листья от побегов с цветами отделяла. – А если не послушаю, он сам мне жениха выберет.

Старица отвлеклась от теста и ягод, обернулась на помощницу свою.

– Пригожая ты девка. Хороша собой. Можно сказать, почти первая красавица на селе, – радела Баяна за неё, душа болела. Как дочь Верея ей была. – Глаза большие, что колодца неба, и сама стройна, как ива или берёзка. Счастья и любви только в сердце нет.

– Все-то ты видишь и подмечаешь, – вздохнула и вновь обратила взор на улицу.

Хотелось Верее полюбить по-настоящему... Один раз и на всю жизнь, чтобы с годами любовь взаимная только крепла, и страсть не угасала.

– На вот, испей, – Баяна присела за стол рядом, сунула в руки чашу с горячим травяным сбором. Верея приняла охотно и пригубила, глоток щедрый сделала, варево принесло приятное тепло к груди.

– Не вижу в селении того, с кем жизнь свою связать. А Ждан слишком настойчив, проходу не даёт.

– Так уж замуж ни за кого не хочешь? – нахмурила светлые брови старица. – Горян-то прав, давно пора тебе обрести защитника и опору, избу отдельную. Ягода поспела. А ежели не узы скрепить, так силу, что в крови дремлет, пробудить. В Божью ночь никто не посмеет осудить.

Вскинула Верея голову, щеки маками расцвели. Мудрые болотного цвета глаза пожилой женщины улыбались. А Верея вдруг попросила:

– Матушка, ты бы раскинула резы накануне на меня, поглядела. Может, откроет тебе Макошь светлая плетения моей судьбы.

Иногда наедине Верея называла так Баяну. Добра к ней жена мельника всегда была, привчала и обучила всему, чему сама умела. В роду у ней волхвы имелись, слабые крохи сил ей тоже достались. Ворожить по малому могла она.

Редко Баяна к костям взывала, тяжело потом себя чувствовала несколько дней к ряду. Но коли Верея просит...

– Хорошо, исполню просьбу твою. Чары сильнее на Купалу будут, может и увижу что-то. Придёшь ко мне.

– Приду, матушка. Спасибо!

Время до вечера пролетело незаметно. Верея, как дочь старосты, пусть и приёмная, возилась с приготовлениями вместе с деревенскими бабами. Скатерти, чаши собирала, с утварью и яствами разными носилась и прочими поручениями.

Не покидали мыслей слова Баяны о том, что ведунскую силу пробудить пора.

Девятнадцать зим уже минуло, а она, Верея, ещё в девках ходит. Ещё несколько лет и молодцы вообще смотреть в её сторону перестанут. Сомнения грызли душу.

Подружки, темнокосяя Сурица и русая Ирия с усыпанными веснушками на щеках, все уши прожужжали, что давно пора. Они-то сами моложе Вереи были, не в первый раз на празднике по лесу побегут парней ветками хлестать.

Может и правда хватит ерепениться и выбрать себе мужа?

Сын кузнеца, Ивар, вполне неплох собой. Лицом не дурен, ни урод какой, ни калека, силой мужской не обделил его Сварог. Хорошо семья кузнеца живет, купцы из дальних острогов за их товарами и оружием заезжают. В достатке будут с Иваром жить, а там стерпится, с любитися, как говорится.

Только молчало в ответ на это сердце. Ивар всем хорош, давно за ней ухлёстывал, а Верея его не замечала. Может и зря? Вдруг случится у них всё-таки любовь крепкая, как она и мечтала.

Задумалась глубоко Верея и остаток дня пробегала с такими мыслями. Решила сначала послушать, что резы Баяны поведают.

...Дневное светило клонилось к кронам деревьев, хорошенько оно прогрело землю и воду в реке. Девицам молодым на радость. Небеса пестрились закатным маревом, ветер тёплый дул.

Матушка Деяна в горнице расплетала толстую косу Вереи, вытащила нить с рябиновыми бусами, расчесала светлые пряди берёзовым гребнем.

Русалки кос не носят.

– Ты присмотришься сегодня к юношам, дочка. Может, приглянется кто, через костёр вместе прыгнете. А Ждан... – Деяна тяжело вздохнула, беспокойно нынче было у неё в груди. Не случилось бы чего. – Он примет твой выбор и успокоится со временем.

– Хорошо, матушка, – Верея и сама переживала. Какое-то тревожное чувство не давало покоя.

Верея надела простое белёное, без вышивки всякой платье. Коснулась шнурка с оберегами, помедлила, сомневаясь, но всё же сняла и убрала в шкатулку. Не положено русалкам носить ни людских оберегов, ни других украшений.

– Поступай так, как велит тебе зов сердца, – благословила Деяна, погладила по распущенным волосам.

Верея улыбнулась матери и поспешила спуститься на крыльцо.

Босоногие простоволосые девицы со всего поселения Калиновки в одних рубахах толпились на подворье. Тихо и возбуждённо переговаривались между собой в ожидании когда старый ворчливый волхв Креслав вместе с Баяной сварят отвар. У всех волосы вычесаны, гладкой волной на спинах лежат, ни одной бусины в них нет, ни лент и шеи пусты, а то иначе не вселился дух русалки в тела дев, не одарит силой и защитой в Божественную ночь.

Старшие все и мужики и бабы с дедами и старухами на поляну за ворота к реке поушли. И молодцы уже там у костров собрались. Верея к толпе подошла невест-русалок. За улыбались девки не мужние, закивали и расступились, пропуская к себе. Подруженьки одобрительно в один голос захихикали:

– Пришла, Верейка, – обрадовалась Ирья, схватив за плечи.

– Молодец, скоро всё веселье начнется! – Сурица взяла за ладонь, и стали они ждать.

Подоспело вскоре мутное травянистое снадобье в котле, резковатое и терпкое на запах, немного медом отдавало. Скривили красно девицы свои носики, но рассмеялись. Волхв приглашающе махнул рукой, и по очереди травница Баяна наливала каждой по ковшу зеленоватого варева.

Вот и Верея к ней подошла. Мудрые глаза старицы блестели в отблеске костра. Баяна ей кивнула и зачерпнула отвара в ковш, подала. Выпила Верея горьковато-сладкую жидкость под пристальным прищуренным взглядом Креслава, который жёг сильнее огня. Казалось, сказать что хочет, но молчал.

Не любил её старый волхв. Чужачкой всегда называл и против был, чтобы староста в семью её принимал. Вещал, брызгая слюной, что беду Верея принесёт в Калиновку. В семью Горяна разлад. Однако, десять зим минули уже и ничего, боги миловали.

Посторонилась Верея, другим дорогу дала. Посмотрела на небо: румяное солнце спряталось за лесом, коснулось земли краем, ещё несколько минут и пропало. Полыхнули напоследок багряные облака, окрасив речку рыжим.

Громче запричитали девицы, цепочкой друг за дружкой к калитке побежали, а там задами да кустами за ворота хлынули. И Верея с ними.

Для ворожбы на судьбу Баяне особая трава нужна из леса, которую можно найти только в ночь на Купалу. Найдёт, сорвёт и вернется к избе мельника.

А от охочих за девицами молодцов как-нибудь увернётся и отобьётся. Пучком жгучей крапивы в конце концов по щекам и рукам отхлестает.

Пряный воздух Купальской ночи кружил голову, от русальего отвара в груди расплзлось тепло, горячилокровь, придавая сил. Хотелось визжать, веселиться и пуститься в пляс.

Дружной гульбой девицы, хихикая и несильно толкаясь, добрались до зарослей камыша и выскочили на песчаный берег реки. Последние лучи озарили прощальным светом брэнную твердь земли. Притихли, прекратили песни петь люди на поляне выше.

– Смотрите, девоньки! – Сурица указывала на загоревшейся на холме огненное колесо. Символ Ярило. Бога весеннего солнца, ярим светом землю озаряющего.

Староста Горян с волхвом Креславом подожгли его взятым с капища кресалом. Ярко оно вспыхнуло, ладно. Хороший знак.

– Кто же покатит? Как обычно староста или кто-то из парней?

– Плохо видно отсюда, – Леля, соседская девушка вытянула шею, силясь рассмотреть что происходит там, наверху. Другие тоже последовали примеру.

Одна Верея стояла спокойно и ждала, когда колесо покатится с пригорка. Это делают в знак того, что солнце на Купалу начинает катиться с Небесной Горы вниз – к зиме. Если никто из погонщиков не оступится, оно докатится и свалится в воду – добрая примета, хороший будет следующий год. А ежели спотыкнется кто из дюжих молодцев – жди беды и неурожая. Тут уж волхв станет задабривать богов жертвоприношениями и вымаливать у них прощение.

– Покатили!

В тишине две тёмные фигуры схватились по обе стороны от колеса за длинную толстую палку и понеслись с ним вниз.

– Кажись, кузнец Ивар со Жданом. Или Мирославом.

Затаив дыхание девицы взволнованно наблюдали, как колесо, рассыпая искры, докатилось напрямик до утёса над рекой и погрузилось в её омут.

– Добрый знак!

Тут же раздались радостные крики и гомон. Люди заголосили, запели вновь песни, восхваляя союз Неба и Земли, Огня и Воды, Мужа и Жены...

Наверху один за другим разгорались купальские костры, зажжённые от особого огня – с Ярилова колеса. Девушки-невесты надели на головы свои венки, кои сплели заранее, и ломанулись вверх по склону к остальным, угощения с расстеленных на земле скатертей ухватить повкуснее и хороводы вокруг главного кострища водить.

Босые стопы Вереи утопали в невысокой траве. На её макушке красовался венок из васильков голубых, ромашек, берёзовой ветви да трав целебных. Вскарбкалась она на холм, оглядела сборище деревенских, и так танцевать захотелось, что невмоготу! Расцепила чьи-то руки и вклинилась в быстрый хоровод.

Широкие рукава рубахи развивались на ветру подобно, крыльям птиц. Языки пламени ярились, искры взмывались к иссиня-чёрным небесам под звон кудеса. Кричали громко, и смех лился рекой, что-то в душе отзывалось на обрядовое пение, рвалось наружу к свободе.

Перед глазами круговерть, лица смазывались в пятна. Но вот раздумавшиеся девушки разомкнули хоровод и направились прочь от купальского костра к лесу, а там путь им преградили молодые парни, выстроившиеся в ряд.

Но и невесты не лыком шиты!

Ломанулись сквозь живое препятствие молодцев дружным клином, слышалась возня и смех, где нужно щекоткой взяли, и разбили строй.

Остались парни ни с чем! И давай невест любых догонять, по следам да по пятам их рыскать по лесу, от прутьев сорванных уворачиваться. Коли поймают – их дева на всю ночь станет.

Свадьбы по осени сыграют а коли дитё опосля у кого родится, значит на то божья воля. Не осудит никто.

Затрещали ветки и кусты, вдали визги и борьба раздавалась – это невесты русалки друг дружке помогали, особо упрямых юношей в несколько рук крапивными венками хлестали, а опосля дёру с задиристым смехом давали в разные стороны.

Не помня себя от общего куража, Верея продиралась сквозь кусты, петляла что заяц, бежала не жалея сил. В груди булькал смех и веселье. То тут, то там наперерез выскакивали тёмные фигуры могучих молодцев, пришлось вертеться ужом от ловких рук, а один раз Верея чуть не попала. Быстро пробормотала слова отвода глаз, как травница Баяна научила...

И опомнилась! Едва из-за дурмана снадобья не позабыла зачем в лес-то подалась. За травой особой, а не суженого искать.

Показались знакомые три кривые берёзки. Сжимая в ладони пучок жгучей крапивы, Верея бросилась меж них к тропке скрытой большущими лопухами.

А позади трещали кусты, кто-то настойчиво ломился по её следу, аки медведь неповоротливый.

Лес шелестел листьями, заглушая звуки шагов Вереи, высокая трава сплеталась позади, скрывала её следы. Оглядываясь назад через плечо, Верея то бежала без устали, то останавливалась и пряталась за широкими стволами берёз и осин.

Впереди неожиданно разъехались в стороны ветки. Верея вовремя юркнула под тень колючей малины, притаилась, и тёмная фигура юного парня промчалась мимо. Сын пахаря Лытко. Но не её Мирослав искал – Сурицу, подруженьку с чернявой косой. Давненько они друг на дружку подглядывали, верно, сговорились на эту короткую ночь вместе быть и через костер потом прыгнуть, скрепляя свой выбор узами перед всеми.

Пронесло. Крапивный веник не пригодился. Верея поднялась и зашипела тихо: предплечье об малинник подрала. Это ничего, заживёт. Надобно поторопиться, нужную траву отыскать и успеть к Баяне в избу до полуночи. К этому времени гадания и ворожба самые верные.

В Купальскую ночь травы напитываются особой колдовской силой, а некоторые растения наоборот, принято собирать накануне с рассветом.

Древние поверья гласят, что в ночь солнцеворота редкие смельчаки отправлялись на поиски цветка папоротника.

Волхвы сказывали, что Перунов огнецвет может наделить неслыханным могуществом. Однако не каждый отважится отправиться на его поиски в глубину тёмных дремучих лесов. Нежить и нечистые силы тоже выходят за цветком на охоту. Леший не отдаст так просто любимый цветок, обманом в чащу непролазную заманит, мавки и аука к тоаям заведут.

А ежели кому удастся сорвать ярко-огненный бутон, можно обрести способность видеть грядущую судьбу и понимать язык зверей, становиться невидимым людскому глазу, привораживать к себе любимых и находить и открывать замки любых кладов. Здоровья для себя или близких попросить.

Верее не нужен был огнецвет. Былины это всё да сказания. Для Баяны достаточно нарвать листьев простого папоротника и цветка иван-да-марьи.

Знакомая стёжка привела Верее на небольшую опушку, ежевика у самого края расплелась, ромашка на ветру качалась. Деревья расступились в стороны, являя полотно тёмных небес с яркими сверкающими гроздьями звёзд.

Так красиво, что дух захватывает! А воздух какой чистый и свежий, насыщенный ароматами трав и дыма костра.

Где-то вдали снова прозвучали визги и смех. Лесу сегодня спать некогда, тревожили его и зверей игры молодых дев и юношей. А природа поощряла.

Верее заморозенная светом круглобоякой луны, сделала шаг к центру поляны.

– Попалась! – на глаза легли чужие ладони. – Угадай кто?

Голос говорившего звучал низко, с хрипотцой. Не узнать. Как только подкрался незамеченным? Вроде не было никого рядом, когда она на опушку выскочила.

– Ждан ты, – выдохнула обречённо. Такие шутки только он творил. Нашёл всё-таки. До последнего не верилось, что таким способом решится заломить желанную невесту.

Но в этот раз Верее ошиблась. Никак леший подшутил.

– Не угадала. Братца значит, неробного ждала? – в голосе громыхнули злые ноты.

Верее замерла, не в силах шевельнуться.

– Я никого не ждала. Тогда... кто же ты?

Сильные руки обвили хрупкую талию и развернули к удалцу лицом. Верее упёрлась ладонями в широкую грудь...

– Ивар?

– Долго тебя я выслеживал, лисица хитрая. – Сын кузнеца довольно улыбался, дышал он тяжело и прерывисто. Русые волосы взлохматились и прилипали к щекам. – Запыхался, пока бегал за тобой по лесу. Никак ворожила, следы путая, краса моя.

Ивар жадно вглядывался в растерянное лицо молодой травницы, о кой грезил два последних года. Сегодня она от него никуда не ускользнёт.

– Пусти, Ивар, – Верее попыталась вырваться, стукнула по каменным плечам, спрятанных под расписную светлую рубаху с вышивкой, а кузнец ту же сцепил руки на тонком стане. Будто в капкан угодила. – Пусти же!

– Э не-ет, любя моя. Раз поймал – моей сегодня станешь, а на утро свататься к Горяну приду.

Кабы не так! Верее замахнулась на кузнеца пучком крапивы, хлестнула по шее и щеке, а ему хоть бы хны – не заметил комариного укуса. Выдрал жгучую траву и отбросил в ближайшие кусты. Это позже волдыри проявятся напоминанием.

– Бойкая какая! Хватит нос от меня воротить. Сказал же моей будешь.

– Нет, – но не слышал протеста кузнец.

В следующее мгновение земля и небо поменялись местами. Подставив коварную подножку, Ивар повалил Верею на траву, а сам придавил сверху тяжёлым телом, не позволяя сбежать.

Верея забарахталась под ним. Отъелся, как медведь, не сдвинуть. Схватив тонкие запястья, кузнец завёл их Верею за голову, и как обезумевший набросился на её губы, срывая первый поцелуй.

Который не ему предназначался.

– Ммм! – она замычала с криком в губы Ивара, пятерней он смял нежные груди. Отвернула в отвращении голову в сторону, а кузнец спустился жалищими поцелуями на шею. – Неужели силой меня возьмёшь? Убоись гнева божьего!

– Тебе понравится, вот увидишь, – заверил страстно. Рука парня начала задирать подол белёного платья.

Верея от испуга все слова наговора позабыла. И всё, что на ум пришло – это просить помощи у Лесного Хозяина:

«Велес батюшка, защити!»

Бог зверей услышал. Совсем рядом раздался рёв, от тяжёлых лап ломались и трещали кусты дикой смородины. Кто-то большой и грозный ломился сквозь заросли на опушку в гости.

Ивар замер, напряглись его широкие плечи.

– Что это? – он выпустил запястья Вереи из хватки и обернулся к кустам. Рёв послышался ближе, вот между стройных берёзок показалась бурая макушка хищника. – Медведь?!

Верея споро оттолкнула отвлётшегося кузнеца, откатилась в сторону и на ноги резво вскочила. Упавший венок свой с головы подхватила, не должен он в чужие руки попасть, не дадут объясниться потом люди, не поверят, как всё на самом деле случилось.

– Спасайся, дурень, коли жизнь дорога! – прокричала замешкавшемуся парню и сама опрометью бросилась бежать.

Не разбирая тропы, Верея неслась меж шумящих листвой деревьев. Чудом ноги не подворачивая и не ломая.

Слёзы каплями росы орошали покрасневшие щеки. Не верилось, что молодой кузнец мог так с ней поступить. Горечь жгла сердце сильнее стыда. Разве давала она ему повода? Не было такого и в помине!

– Спасибо за помощь, батюшко Велес, – шептала слова благодарности. – Не губите только кузнеца. Родичи его расстроятся и горевать станут. Злые духи его попутали.

Просила за молодца Верея, хоть и обидно ей за его проступок, но зла ему не желала. Доброе сердце у девушки было.

Не услышав за собой погони, остановилась, чтобы отдышаться. Прислонилась всем телом к сосне, обняла рыжий ствол руками, лбом шершавой коры коснулась. Убежала, смогла.

А днём думала старосте свой выбор на Ивара указать... Нет уж! Если кузнец не считается с её волей, не быть ему её мужем. Отец Горян поругается, поворчит, но насильно не выдаст замуж.

Не выдаст же?

Выдохнула протяжно. Дурман русальева отвара ещё горячил кровь, не мёрзла Верея, как не старался кусать холод ночи. Хвоя успокаивала её, делилась через прикосновение силой. Говорила травница Баяна, что деревья и лечить могли добрых людей, даже от хворобы страшной, смертельной спасали.

Поклонившись сосне могучей, побрела Верея на поиски иван-да-марьи. Стебли папоротника первыми нашлись, а трава всё никак не попадалась на пути.

Больше охочие до девиц молодцы Верею не встречались. Тропка свернула в сторону острога, и Верея пошла, куда она повела. Вышла к дальнему берегу реки, никем незамеченная, и стала спускаться с пригорка к воде, как навстречу ей вдруг выскочил волхв Креслав.

– А-а всё бросишь, окаянная. Суженого ищешь, а нету судьбы твоей тут! Лишь молодцам головы кружишь, морочишь.

Взмахнул старец посохом своим, преграждая дорогу. Глаза безумием светятся, лицо посерело, седые волосы его развивались на ветру тучей, не в себе волхв был. Видимо ночь Купальская на него повлияла, духи бушуют. Он вдруг зароптал:

– Ты должна уйти прочь из острога! Иначе беду накличешь! Придёт погибель чёрная, лютая в дом к старосте, и половину люда мор насланный повывосит...

– Что... что вы такое говорите? – отступила Веря от него, ноги силы лишились. Задеревенели.

Из сжатой ладони наземь стебли сорванного папоротника посыпались. Что за речи такие Креслав молвит?

– Не здесь твоё место! Забыла ты корни свои, далеко они отсюда – в чужих землях, многим севернее.

Тревога с каждым ударом сердца становилась всё сильнее. Казалось даже воздух ей исполнен. Каждый вздох оседает в груди пепельно-серой горечью. Расползается во все стороны...

– Скажите мне кто я, если знаете, прошу! – а волхв начал наступать, угрожающе палкой своей размахивать, что муху назойливую, Верю гнал. Подлетел к ней в один миг, за плечи схватил, боль причиняя, и зашипел:

– Чужая здесь ты! Последняя из рода осталась...

Слепые глаза уважаемого старца селения сквозь девушку глядели. Страху и жути наводили.

– И сама должна была сгинуть, а выжила. Стрела та человеком высоких кровей выпущена по ведьмовской указке. – Взгляд Креслава прояснился. Мутные, некогда карие глаза впились в лицо потерянной Верей жгучими углями. – Убирайся прочь из Калиновки! На утро к Горяну сваты пожалуют. На тяжкую несчастливую долю себя и парня обречешь. И брата названного погубишь!

Вырвалась Веря из хватки скрюченных пальцев, отшатнулась от волхва и, не чуя ног, бросилась в сторону деревенских ворот.

Чёрная паутина страха оплетала сердце. Оно гулко билось в липких силках, ухало от непонимания и предчувствия грядущей беды.

Прав волхв! Не место ей тут.

Глава 3

Не помня себя от страха, таясь от встречающихся на пути сельчан, Верея добежала до околицы, затем по улочкам и до ставшего родным подворья. В окнах царила темень. Матушка с отцом Горяном ещё не вернулись, чтобы разжечь очаг от купальского пламени. В эту ночь сидеть дома возбранялось.

Не чуя ног, залетев в сени, Верея прислонилась к дубовой двери спиной перевести дух. Так дюже колотилось сердце в груди, так сильно напугал её своими словами волхв.

В доме стояла тишина. И хорошо.

Верея не верилось, что она собирается покинуть терем навсегда. Креслав не солгал, предчувствие неминуемой беды подтолкнуло её подняться в свою горницу и начать сборы.

Пришло значит время ей отправиться в путь. Узнать свои корни. И то, что по какой-то причине позабыла.

В походную сумку отца, с которой Горян ходил раньше на охоту, Верея сложила пару рубах, полетели туда же и несколько украшений, что названные родичи дарили, затем гребень костяной – подарок Ждана, плат и так по мелочи. Достала из резной шкатулки обереги, на шею повесила. С ними сразу спокойнее стало.

Обломок древка стрелы - частицу прошлого тоже положила.

Кинулась в кухонную клеть, бурдюк воды медовой да съестного чего в дорогу взять на первое время, а там поохотится. Не пропадет с голоду.

Переодевшись, взвалила сумку на плечо и вышла во двор. Оглянулась на терем с резными наличниками на окнах, а сердце защемило. К горлу подкатила горечь.

Привыкла здесь, приросла к месту, где семья старосты приют и любовь дала. Скучать и тосковать по ним станет. И они поди по ней тоже.

Послание Верея им на клочке бересты оставила.

Так и расписала, что молвил волхв Креслав про мор и беду грядущую. Про то, что не хочет замуж, и отправляется судьбу свою и прошлое искать в далёкие северные земли. Просила в строках прощения за своеволие и писала, как сильно дороги они стали, чернила по бересте от подступивших слёз размазывая. Благодарила за приют.

Последний раз взглянув на добротный дом, отвернулась Верея и прочь ступила под сень листвы старого сада плодового, мимо колодца к калитке, укрываясь от яркого света луны.

Но к воротам сразу не пошла, Верея повернула в сторону мельницы и, крадучись, добралась до избы травницы. Не ведала там ли сейчас Баяна, ждёт ли, но не попрощаться с ней не могла. Встав на пороге, Верея руку занесла, чтобы постучать, как дверь сама отворилась, и показалась старица с горящей свечой в руках.

Оглядела она пристальным взглядом гостью припозднившуюся с котомкой вещей за плечом, покачала непокрытой головой и проскрипела:

– Проходи-ка в горницу, за стол садись, взвару выпьем, а ты Расскажи, что стряслось.

Верея вытянула шею, за спину травницы взгляд кинула, высматривая хозяина избы.

– Нет Иринея дома, с мужиками у костра сидит толкует. Заходи, не трусь.

И поведала ей Верея всё, ничего не тая. Про кузнеца Ивара не забыла и про бирюка (косолапого мишку), что боги на него наслали по её просьбе.

Баяна внимательно выслушала, не перебивала и не отговаривала. Позади неё теплился свет от нескольких лучин, закрепленных в светец на подставку, а под той стоял сосуд с водой. Вода отражала и множила свет, предохраняла от пожара, кой могли вызвать падающие угольки.

– Правильно ли я поступаю, матушка? – усомнилась Верея, потупила взор. Схватила за ворот платья, оттягивая, потому что душил. – Сердцу неспокойно. Подскажи совета мудрого.

– Правильно аль нет одним богам ведомо. Ты просила резы на тебя раскинуть, так давай поворожим.

Верея так и подпрыгнула на лавке. Вздохнула разочарованно.

– Не принесла я трав нужных, растеряла.

– А мои запасы на что? – всплеснула руками в воздухе Баяна. – Вместе собирали. Да и я без дела вечером подле костра не сидела, тоже в лесу успела побывать.

Достала старица из корзины у печи свежесорванные листья папоротника, разные травы, да цветок иван-да-марья. Подожгла пучок в огне лучин и замахала им по клетки, дым ароматный развеивая.

– В этом цветке объединены огонь и вода, мужское и женское начала, – вокруг Вереи несколько раз обвела тлеющими травами, у окна махнула, к дверям подошла и к столу вернулась. – Сила целебная заключена. Помнишь древние сказания?

Как не помнить? Любая девица знала.

И полилось тихое бормотание Баяны сказительницы деревенской по горнице. Верея жадно вслушивались в говор старой женщины, глядела в свою чашу с водой травянистой. Голову вело, мысли путались.

– История запретной любви появилась вдоль берегов реки Ра. Бог огня и жертвоприношений Симаргл, сын Сварога, тёмными ночами, держа пламенный меч, стоит на страже Мирового Древа, на ком находятся семена всех растений. И только в одну ночь в году он покидает свой пост...

Мелодично сказывала Баяна, как повстречал Симаргл Купальницу –богиню ночи. И родились в этом союзе мальчик Купала и девочка Кострома.

Прилетела к реке Ра, несущая смерть, птица Сирий. Пела она волшебные песни, но кто слушал её забывали обо всем и шли за птицей в царство Нави.

Купала и Кострома ослушались советов матери и втайне сбежали в чистое поле – услышать прекрасное пение Сирий, и случилась беда.

Купалу по велению Чернобога, владыки тьмы, гуси-лебеди утащили за тридевять земель.

Минуло несколько зим. Случай вновь их свел вместе. Кострома выросла девой неземной красоты, гуляя вдоль реки, она сплела венок. Хвасталась подружкам, что никто не сможет его с её головы сорвать. Услышали боги её речи и разгневались, послали буйный ветер, тот сорвал сплетенные цветы, роняя его на водную гладь. А проплывавший мимо в ладье Купала, заметил плывущий венок и поднял.

По обычаям, кто поднял из воды девичий венок, обязан жениться на той, кому он принадлежит.

Обратил взор на берег Купала и увидел на нём прекрасную Кострому, полюбили они друг друга, но не ведали о своём родстве. И лишь после свадьбы узнали, что сердца их связаны запретной любовью.

Опечаленная горькой правдой Кострома стремглав побежала к лесному озеру, бросилась в него с головой и тотчас превратилась в лесную русалку – мавку.

Не выдержав утраты, Купала ринулся в жар костра.

Боги, глядя на трагедию, сжалились над ними, но подарить им снова человеческое обличье было невозможно. Тогда они превратили брата с сестрой в красивый цветок Иван-да-Марья, где желтым, огненным, цветом разливается Купала, сине-фиолетовым, как придонные воды лесного озера – Кострома.

– ...и с тех пор обращаются к ним за помощью люди, оберегают брат с сестрой семейные узы. На судьбу указать могут.

Положив остатки истлевших трав в металлическую чашу, Баяна распутала перевязь маленького с ладонь холщового мешочка и, не глядя, выбросила из его нутра гадальные руны на стол.

– Что... что там? – не утерпела Верея после долгого молчания старицы.

Подалась вперёд, всматриваясь до рези в глазах в знакомые символы, а смысл оставался неведом, хоть и учила старица её этому. Не видят свою судьбу веда, как не старайся. Только к другим колдуньям за помощью обращаться.

А Баяна молчала и хмурила седые брови. На лицо жены мельника напозло беспокойство и тревога.

– Сложна твоя судьба... черными нитями спутана. Бремя тяжкое на роду погибшем начертано. Прав всё-таки Креслав. Не могу я разглядеть многого, тайной мрака покрыто, но одно наверняка скажу – ждут тебя трудные испытания и выбор, от которого будет зависеть чья-то жизнь.

– Как страшно-то... Что ждёт меня в чужих краях? – передернула Верея плечами, зябко сделалось.

– В странствиях суженого повстречаешь, любовь ваша вспыхнет, как пламя огненное. Но помни, что огонь жалит больно, – продолжила жена мельника, перебирая в узловатых пальцах берёзовые резы с особыми знаками. – Думаю, с ним выбор тот связан. А ещё избу в лесной глуши севера вижу. Туда тебе следует путь держать. Тебе изба по крови принадлежит. Силу там свою пробудишь, но и зло с горем познаешь.

Поохала Верея, повздыхала, собираясь с храбростью, да поднялась с лавки. Некогда более рассиживаться. Светает вскоре! Ноги нужно уносить втихую.

Крепко обняла Баяну, а та её в ответ к груди прижала. Не хотела пускать, но иначе нельзя.

– Ты бережь себя. В обиду никому не давайся. Божья милость с тобой, – напутствовала, заставив себя руки разжать. В лоб поцеловала, подбадривающе улыбаясь. – Помни и следуй всему тому, чему я тебя учила.

– Дадут боги, свидимся ещё.

– Чую, не свидимся. Прощай, Верея, лебёдушка моя.

– Прощай, матушка. Моим передай, что люблю я их. Пусть не гnevаются.

– Передам, милая.

И Верея, сдерживая слёзы, кинулась во двор и дальше за околицу, побежала ей одной известными тропами. Навсегда покидая острог Калиновку.

Долгими днями скиталась Верея. Держалась в тени деревьев, и за границу леса старалась высовываться по крайней необходимости: к реке выбиралась или у одинокого пастуха дорогу спросить. Наговор шептала, чтобы парнишка позабыл с кем давеча речи вёл.

Не спокойное нынче время. Тати всюду вольничают. И девушка она, особенно опасно. Лес помогал, укрывал от злого люда.

Отец Горян обучил Ждана и Верею охотничьему промыслу, брал с собой на ярмарки в соседние крупные селения шкурками торговать, матушкиным и её рукоделием. Потому знала Верея как вести себя на Торге, что говорить и кого слушать.

Подобное сборище люда она и искала.

По мху на деревьях, звёздам и солнцу Верея определяла нужную сторону света и следовала намеченному пути.

Верный друг отправился с ней. Нагнал с рассветом, покинув привычные места обитания. Сокол взлетал выше крон леса к небесам, дорогу разведывал, а опосля снижался и спешил к Верее, садился на подставленный кожаный наруч и молвил по-своему, что видел там, на верху.

И Верея его понимала.

С каждым днём, что она ступала дальше от острога, сила веды просыпалась. Непокойным, буйным потоком бурлила в крови, неохотно, но отзываясь. Родная земля звала.

Права была Баяна, советуя с девичьей чистотой расстаться. Расцвела бы уже сила, унялась и покорилась, легче путь стало преодолевать.

Нет! Мотнула головой, гоня дурные мысли. Не хотела она так, не с кузнецом Иваром.

Проследив, где находится в полдень солнце на небе, Верея двинулась в противоположную сторону.

Ноги гудели от усталости, но она упрямо продвигалась вперёд. Взобралась на гору. У подножья звонко журчала говорливая речка, а с вершины, куда ни кинь взгляд, виднелись распаханые поля и окрестные веси витячей, разбросанные в лесной низине.

Сердце ныло от тоски по дому, по родичам, кои приют дали и взрастили, уму разуму научили. Сколько уж раз Верея хотела всё бросить и повернуть назад, но каждый раз одергивала себя.

Нельзя! Беда по пятам за ней в острог придёт. Дыхнут спящие болота, и моровое поветрие на Калиновку нагрянет. Словам волхва была вера.

Казалось, совсем недавно Верея любовалась полесьем и предгорьями за околицей Калиновки.

Весной холмистые склоны переливались маслянистым клейким блеском молодой листвы, в жаркие месяцы становились тёмно-зелёными, осенью окрашивались в багряно-красные и охристо-желтые цвета. Зимой голые ветки деревьев расчерчивали небо, а поля чернели, отдыхая.

Теперь Верея шла в пугающую неизвестность.

На привал стала устаиваться, когда за окоёмом леса отгорел закат. Дневное светило пыхнуло напоследок, озарив алым светом деревья, но тучи скрыли его серым пологом. Под ногами пружинила теплая земля. Длинные стебли трав сплетались в ковёр, цеплялись и путали сапоги.

Верея выбрала подходящую поляну, окружённую неприступными стволами берёз, сосен и кустами дикой смородины.

Утолила голод остатками снеди да орешками, которыми её белки рыжие недавно угостили, и принялась натаскивать под торчащие над поверхностью земли большие корни хвой широкие листья для лежанки. Сокол облюбовал для себя чьё-то пустующее дупло в растущей неподалеку сосне.

Позже, лёжа на спине, Верея грелась возле костра и любовалась звёздами на тёмном полотне неба. Серп новорожденной луны проглядывал сквозь густые кроны, серые тучи наползали с севера, куда девушка и держала путь.

Если повезёт, и небеса не разродятся проливным дождём с утра, то к концу завтрашнего дня она поспеет в городище Кагояр.

Правил в нём князь Буревой с княгиней Агидель. Общих детей у них пока не получилось, однако у князя имелся один единственный сын, княжич Златояр, от первой жены, погибшей при загадочных обстоятельствах много зим назад.

По молодости староста Горян много путешествовал. От названного отца Верея слышала немало рассказов об этом городище.

Тот стоял на холме, высокие терема его и амбарные постройки укреплены камнями. Богат Кагояр, а дружина князя многочисленна. Ярмарки в нём часто устраивали, съезжались по морю и суше туда разные купцы.

Вот и Верея посетить его собралась. Может, услышит и узнает что полезного. Но всё это завтра, а сейчас пора и отдохнуть.

Глаза слипались от усталости. Шум ветра и шелест листвы убаюкивали. А в груди отчего-то тревога разворошёнными углями ворочалась.

...Верее снился сон.

Маленькой босоногой девчонкой она носилась с соседской ребятнёй по извилистым стёжкам леса. Родичи послали их на окраину за малиной. Они набирали ягоды в тяжёлые для детских рук, плетённые из лозы корзины, не забывая до отвала набивать и свои голодные животы, а опосля заигрались в салки.

То тут, то там в пышных кустах выглядывали чумазы от сока красных бусин мордашки, звучал тихий сдвленный хохот и смех.

– Ну где вы прячьтесь? – обиженно пробурчал мальчуган пяти вёсен от роду, рыская меж деревьев-великанов.

Старшие хорошенько от него схоронились, сидели каждый в своём укромном месте и давились смехом, наблюдая за насупленным пацанёнком, который безуспешно пытался их отыскать.

– А-ау! А-ау-у...

– Тихо ты! – рот Вереи зажала маленькая ладонь дочки мельника, – поймет же, где мы.

Бажен их слышал, но не понял откуда доносился голос и пробежал мимо к дальним берёзам. А Верея убрала чужую руку с уст и шикнула в ответ:

– Да ты глянь на него, сейчас расплачется!

И правда, никого не найдя среди берёз, светловолосый вихрастый мальчик зашмыгал носом, в уголках голубых глаз блестели слёзы.

– Полеля, малой он совсем. Устал бегать, – встала на защиту братца Верея. Не выдержало сердце смотреть, как он присел на пенёчек, закрыл лицо ладонями и начал всхлипывать.

– Тогда пусть тебя одну находит, я поддаваться не хочу, – девочка восьми лет поползла на корточках в сторону.

– Ползи, ползи, – покачала головой светлокосая, – забыла, как сама недавно такой же была, и обидки все. И громче крикнула братцу: – Ау-у!

Бажен поднял голову, внимательно прислушался и рванул на зов к кустам кизильника, перепрыгивая кочки и разбросанные ветром ветки. Раздвинул лиственную поросль и увидел наконец, кто в них прятался.

– Сестрица! – кинулся на шею обниматься, – Верейка, я тебя нашёл. Нашёл!

– Молодец, какой, – погладила братца по кучерявой макушке, подлом рубахи рот и щеки от малинного сока ему обтёрла. – Теперь беги ты прячься.

Обрадовался Бажен, ткнул губами сестру в щёку и поскакал хорониться. А Верея поднялась на ноги, закрыла глаза ладонями и начала считать:

– Раз... два... три...

Забывшись за играми, они уходили всё дальше в лес, куда батьки с матушками запретили ходить. Солнце уже увенчало небо, жалило яркими лучами, а ребятня никак угомониться не могла.

Так и на медведя нарвались.

– А-а! – разнёсся по чаще испуганный возглас. Все вмиг затихли, распалось веселье.

– Это Первуд кричал. Там, за оврагом кажись, – тихонечко промолвила Полеля, задрожала и руки к груди прижала.

Затрепал волчегонник, послышался грозный медвежий рёв. Дети в стайку сбились ближе к Верее, потому как она самая взрослая из них.

– Сестрёнка, мне страшно, – Бажен к подлцу её прижался и захныкал.

– Тише, я с тобой.

Темноволосый Первуд в мокрой, грязной рубахе вывалился из кустов. Весь бледный, на лице ни кровинки, а глаза, как два круглых блюда.

– М..медведь! Спасайтесь!

За его спиной слышался топот и сопение. Показалась бурая башка лесного хозяина, скачками по пятам гнался за ним косолапый. Да быстро как! Словно мохнатый шар катился.

– Беги в сторону, дурень! – крикнула парнишке Верея, а сама толкнув братца в руки подружке, метнулась мишке наперерез.

Но не успел Первуд юркнуть с пути. С неожиданной ловкостью медведь сцапал его за иштанину и повалил наземь. Зарычал громче, нависнув горой над распластанным на ковре из клевера добычей, обнажив желтые клыки.

Заверещали в страхе позади дочка мельника с братцем, друг к дружке прижались. А Верея подскочила к медведю, ладони к нему потянула, да приговаривала:

– Не тронь, лесной хозяин этого бедового! Не хотел он покой твой растревозжить. Мы просто играли.

Первуд дышать перестал, голову к земле прислонил и локтями закрылся, стараясь слиться с травой. Косолапый повернул перепачканную мёдом морду к смелой девочке, вставшей на защиту нарушителя границ логова, почуял в ней ведовскую силу и понял её речь.

– Прости нас, мишка. Не хотели мы, – повторила, уважительно кланяясь зверю лесному в пояс.

Заворчал бурый и ступил назад в тень.

Вдруг взвыл ветер, налетел яростным порывом, преклоняя ветви деревьев к земле и комья грязи с суховеем швыряя. Потемнело всё кругом, исчезли фигуры Первуда и Полели с братцем.

Сизый туман от медвежьих лап к ногам Верей ленты потянул. Холодно сделалось. Злая тьма во мгле таилась.

Сила нечистая.

Зверь встал на задние лапы, как человек, поднял передние, в когтях лук охотничий со стрелой держал и нацелился прямиком в оцепеневшую Верей.

– Сестрица, сестрица! Мне страшно, помоги!

Голос маленького братца раздался где-то совсем рядом. Верея заозиралась, но никого не увидела, а повернувшись к косолапому закричала от ужаса.

Вовсе не зверь перед ней стоял, а... тёмная фигура мужчины с горящими янтарными глазами.

Позади убийцы вспыхнуло пламя пожара, пальцы в латных перчатках спустили стрелу. Раздался оглушающий свист...

Соколиный крик прорвался в сон и разогнал тяжёлую дрёму.

Верее подскочила на лежанке и схватилась за горло, чудилось, что его пережала чья-то костлявая рука.

Верный друг заклокотал снова, изгоняя злой дух. Приземлился на торчащие из тверди сосновые корни подле Вереи, крыльями взмахнул, и чужая хватка на шее наконец разжалась, позволяя девице сделать полноценный вдох.

Откашлявшись, Верее сняла обереги и ошеломленно уставилась на железный диск с узорчатым символом.

В первый раз за всё время ей привиделось прошлое. Слёзы закапали на оберег в ладони. Горьким оно оказалось.

– У меня был братец... родной маленький братец.

Завеса мрачного прошлого чуть приоткрылась. Верее вспомнила тот погожий день из сна. Тогда их всех спасло, что в ней пробудилась сила веды. Косолапый медведь ушёл лакомиться своим излюбленным угощением – мёдом лесных пчёл, а они все благополучно вернулись домой с полными корзинами малины и...

И всё. Более никаких обрывков из памяти. Как отрезало.

Верее утёрла рукавом слёзы с лица, села удобнее и благодарно посмотрела на верного друга, почуяв неладное, он подоспел вовремя и развеял дурное сновидение. Злые силы прогнал, которые подло напали ночью и пытались её задуть.

– Спасибо, Зорко, – прошептала, надевая на шею и пряча под ворот рубахи обереги. Коснулась кончиками пальцев желтого клюва, по спине птицы провела. – Чтобы я без тебя делала?

– Кийёк! – ответил по-своему сокол. Склонил голову на бок, мол, а как иначе?

Подул слабый утренний ветерок. Глаза-бусинки Зорко внимательно смотрели на девицу. Он слегка расправил крылья длиной в аршин, и его перья затрепетали в потоке воздуха. Сокол имел светло-коричневый окрас с более тёмными отметинами на груди и бёдрышках.

Зорко принадлежал к одним из самых крупных и быстрых хищников на свете.

Верее улыбнулась ему, в душе радуясь, что однажды случай свёл их вместе. Без Зорко совсем неумоготу было бы путь одной держать.

– В моём ночном видении таилась подсказка... – поделилась рассуждениями с другом, – во сне был человек. Мужчина. Он хотел меня убить. Возможно, он повинен в том, что произошло с моим родом много зим назад.

Мысли в голове роились злыми пчёлами. Жалили без остановки, а толку ни на грош. Что ни придумывала – всё пустяком кажется. И не так.

Что стало с Баженом? Жив ли братец меньшей?

Кому она и её родичи успели встать костью поперек горла?

Кто тот душегуб, что пустил в неё стрелу?

Верее не видела лица рослого воина, но хорошо разглядела оперение стрелы – та самая, которую староста Горян вынул из неё раненой, когда нашёл...

Впрочем, отец никогда не упоминал в каком именно месте подобрал раненую девочку сиротку, как бы Верее не расспрашивала. Отмахивался и мямлил неразборчиво, что возвращался с охоты и наткнулся на неё у южных племен кривичей.

А это совсем в другой стороне от северных земель. Лгал. Пытался огородить от беды, да та всё равно подкралась.

Волхв Креслав молвил на празднестве, что Верее должна была погибнуть от неё, но вопреки злему умыслу выжила.

– Кийёк! – звонко кликнул сокол, словно молвил разберёмся.

И верно, время покажет и направит.

Веря обратила взор к рассветным небесам, сквозь кроны проглядывали нависшие над землёй тяжёлые свинцовые облака. Надобно в путь выдвигаться, пока дождик не заморосил.

Перекусив пожаренной с вечера рыбой и последними сухарями, сложив пожитки в охотничью котомку, Веря засобиралась в дорогу.

Полог леса вскоре расступился, деревья поредели, и она пошла вдоль ручья, вслушиваясь в его неугомонное бормотание. Влажная земля, рыжая от прошлогодних иголок хвои, слегка пружинила под сапожками, оставляя легкие следы.

По каменистому склону Веря спустилась к небольшой запруде. Подвернула рукава рубахи, склонилась над прохладной гладью и всмотрелась в колышущееся отражение молодой девицы со светлой растрёпанной косой.

Глаза её были невеселы.

Устала, изнурилась дорогой, вдобавок питьевая вода почти закончилась, а жажда мучила всё сильнее. Веря зачерпнула пригоршню воды, умылась. У реки дышалось так легко и свежо.

Гладь блестела, хоть солнечные лучи спрятали тучи. И вдруг вместо своего отражения Веря увидела чужое...

Из воды на неё смотрело красивое женское лицо.

Веря вздрогнула от неожиданности, потянувшись, всматриваясь. Миг и водяная дева вынырнула, показываясь по пояс, захохотала весело, над ошеломлённой путницей. И смех красавицы на журчанье ручья походил.

– Кто ты? – спросила Веря.

Длинные распущенные волосы водяницы стекали по голым плечам и спине расплавленным серебром. Венок из одолень-травы – белых кувшинок, венчал её голову.

За всю свою недолгую жизнь Веря речных духов не встречала. Русалок в Купальскую ночь видела, но никогда до этого они не заговаривали с ней.

Вот диво-то!

– А я хозяйка тут. Моя это река! Давно за тобой слежу, из ручья в ручей перетекаю, следую.

– Зачем? – покосилась с подозрением, подавшись назад. Никак на дно к себе в гости утащить хочет, чтобы от скуки развлекала. Коварны духи водные!

– И как зовут-то тебя?

– Не бойсь меня, сестрица. Ветрана я. Люблю мчаться поверх волн, обгоняя и дразня ветер. За то меня и прозвали.

И опять этот журчащий смех. Водяница подплыла ближе, холодные пальцы, словно струи, мягко обхватили ладонь Верей, начертили илом со дна символ богини Лады.

– А зачем следую, так предупредить хочу: нельзя тебе, сестрица, идти в Кагояр – погибель свою найдешь. Пока нельзя.

Веря так и обомлела.

– Ты вода всюду течёшь. Всё про всех знаешь. Про меня ведаешь, кто я такая и откуда? – спохватилась.

А как не воспользоваться случаем?!

– Знаю, знаю. Вода она едина, везде течёт, всё видит и слышит. Всё ей ведомо, – согласилась Ветрана, – но сказать тебе не могу. Не настало время, в свой черед всё узнаешь.

– Подскажи тогда, сестрица, куда же мне путь держать?

Опечалилась Веря, опустила взгляд на ладонь, что дева водяная ей изрисовала. Звезда лады?

Квадрат – это очаг в кузнице Сварога, внутри которого ярко горит огонь, а вытянутые круги – четыре праведных языка пламени, направленные по четырём сторонам света. Они символизируют веру, честь, справедливость и свободу.

Почему именно этот знак?

– Иди вдоль моих берегов дальше на запад, если поспешишь, к полудню пересечёшься с обозом купцов, – заговорила Ветрана, указывая направление рукой. – Ведуньей из Белозёрки им назовись. Скажи за травками особыми ходила за пределы весей, купцы не откажут, довезут.

– А ежели кто из обоза знал ту ведунью? Вскроется обман, с позором меня погонят! – обеспокоилась Верея.

Страшно плутать в неизвестности, когда кругом сила нечистая по пятам за тобой охотится.

– Купцы чужаки, в лицо веду не знали. Ступай с ними, не бойсь. О ведьме той добрые слухи по всему краю расползлись. Уважали её, и тебя не посмеет никто тронуть!

Пожалуй последние слова водяной красавицы немного успокоили душу, однако...

– Но что мне делать в этих весях? Поясни, пожалуйста, зачем мне туда ехать? Скажи, сестрица!

Тёмные глаза Ветраны загадочно блеснули. Она чуть отплыла от пологого бережка, водичей в стороны весело плеснула. Несколько брызг на раздосадованную светлокосую попали, а речная дева только рассмеялась звонко.

– Многого ты хочешь знать! Я и так сказала достаточно. Но так и быть, дам ещё одну подсказку, – подгребла Ветрана ближе и шепнула: – В само селение Белозёрки не суйся. В лесу при нём избушка есть – туда тебе. Там судьбу свою и узнаешь!

И сняла с себя вдруг венок из водяных лилий и в руки Вереи бросила.

– Возьми, пригодится в нужный час! Отвар целебный сваришь.

Не долго думая Верея выудила из сумки свои простые стеклянные бусы, как ягодки рябины, и кинула его деде водяной со словами:

– Прими тогда и от меня подарок. Не обессудь, что простое оно. Чай не богато жила, не боярская дочь и не княжна, украшений из драгоценных камней у меня нет.

Схватила со звонким смехом Ветрана ожерелье, поспешила примерить и заулыбалась довольно.

– Драгоценнее тот дар, что от чистого сердца отдан! А судьба по-разному обернуться может... – замахала прозрачной рукой.

– Прощай, сестрица! Торопись и помни, что мужчина – это мощь и сила, защита и забота, как стены, построенные вокруг домашнего очага. А женщина – пламя, горящее в этом очаге, его тепло, способное согреть и укрепить стены. Во всем гармонию нужно блюсти!

И в следующий миг исчезла с глаз. Распалась серебристыми каплями, будто и не было красавицы. Словно и не вела Верея с хозяйкой речной беседы.

Однако венок из одолень-травы Верея продолжала прижимать к груди, он-то был самым настоящим.

– Прощай, Ветрана сестрица. Благодарствую за помощь.

Поклонилась Верея реке и заторопилась отправиться куда указали.

Прохладный игривый ветерок донёс до слуха путницы журчащий смех. Услышала хозяйка слова благодарности.

Глава 4

Задумалась Верея над напутствием речного духа, всё про мужское и женское начало водяница зачем-то сказывала, про гармонию. Но быстро отмахнулась от этих мыслей, не до думок, спешить надобно, ежели хочет с обозом встретится.

Споро перебирала ногами по кочкам и лужкам, ловко ветки поваленные перепрыгивала и ямы с небольшим рвами. Сквозь заросли раkitника и ивняка продиралась. Зорко улетел на охоту, но он непременно догонит и найдет её.

В одном месте пришлось спускаться до самой воды – овраг глубокий огибать с колючим боярышником, но вот Верея выбралась на топкий бережок как впереди слышала приближающийся шум. Топот лошадиных копыт и скрип деревянных колёс доносился всё отчётливее.

Дошла. Успела!

Большой у купцов обоз. Вереница из восемнадцати гружёных и полупустых с полинявшими пологам торговых повозок, запряженных парой лошадей каждая двигалась по дороге. На отдельных конях ехали вооруженные мечами и луками стражники.

Встречая обоз, Верея встала у самого края дороги, чтобы её ненароком не затоптали, но и сразу заметили.

– Тпру-у! – крикнул возница, сбавляя ход. Вскоре вся процессия остановилась.

С облучка первой повозки на Верею смотрел седовласый мужчина в добротной одежде, а рядом замер стражник. Рука его легла на рукоять меча в ножнах, другие дозорные тоже настожились.

Верея сглотнула, никак решили, что засада разбойников намечается... и её к татам приписали.

– Славного денёчка, люди добрые! – подала голос первой, поспешив развеять их сомнения пока поздно не настало. – Куда путь держите?

– И тебе доброго, красная девица, – ответил старший обоза, сидящий рядом с возницей. Внимательно так, с интересом её разглядывал.

Котомку приметил и помявшееся от длительного путешествия платье, и колчан со стрелами и луком висающие за спиной. Узел трав свежесорванных в руках, подготовилась как-никак Верея. Возница тоже любопытствовал.

– Мы из Кагоряра на рассвете выехали и домой направляемся к Вяженскому князю, Всемиру. Хорошо торги прошли, раскупили почти всё. – Усмехнулся пожилой мужчина себе в усы, и суженные глаза его просветлели немного. – А ты почему одна? Как звать и откуда родом будешь?

– Верея я, знахарка из Белозёрских весей, за травами редкими отправилась, – ответила заготовленную фразу, как хозяйка реки велела. Не любила врать, но и от себя приплела, чтобы правдоподобнее звучало: – Нужда заставила выйти за пределы деревни – скотина захворала поветрием, а вблизи околицы надобных трав не сыскать.

– Меня Ратибором кличат. Старший тут я. А ты ведунья молодая стало быть, – уважительно заключил мужичок, задумчиво огладил бороду. – И не боязно по лесу и степям без защиты разгуливать в беспокойное нынче время?

– Если только чуть. Я заговоры всякие знаю, обойдёт меня стороной злой люд и зверьё дикое хищное.

Ровно Верея поясняла, с улыбкой и твёрдым взглядом, а у самой поджилки тряслись, и сердце в груди ухало от страха – вон сколько вооруженных дружинников вяженского князя обоз охраняют!

– Не подвезёте до селения?

– Как девицу молодую и красивую в беде оставить? Умаялась поди, ноги стоптала. – Старший обоза глянул в сереющее небо, крикнул в усы и махнул рукой. – Подвезём, залезай и отдохни пока.

Ратибор посадил Верею в свою глубокую повозку, гружённую тюками с овечьей шерстью. Кроме них в телеге был только возница, который правил лошадьми. Сидеть на мешках было не только мягко, но и тепло.

Как только она устроилась, старший обоза громко гикнул остальным, чтобы выдвигались. А Верея смогла наконец-то с облегчением выдохнуть.

Получилось!

Повозки ехали и поскрипывали колесами, от мерного укачивания поклонило в сон. Верея прислонила тяжёлую голову к мешкам, сунув по щёку ладони, сказала усталость.

Свозь наваливающуюся дрему до её сознания доносились обрывки фраз разговора возницы с Ратибором. Про удачливый торг в Кагорском княжестве они беседы вели, в кой Ветрана ей строго-настрого запретила ходить, если жизнь дорога.

Дивились невиданной красотой княгини Агидель, несмотря на года та выглядела что девица молодая. Что-то про княжича там. Интересно очень было послушать, а дрема одолевала.

– Никак дождь собирается пролиться...

– ...гиблые земли когда проезжали.

– Успеть бы до темноты...

Что за земли такие гиблые?

Но веки налились тяжестью свинца, и Верею одолел сон.

К наступлению сумерек остановились на постой. Люд шумел, возы поставили кругом, женщины развели огонь, собирались готовить ужин. Дым от костров не в кронах прятался, а прямо в небо уходил. Дозорные рассредоточились.

От общей возни Верея проснулась. Не успела встать, как полог повозки, где она отдыхала, приоткрылся, и внутрь заглянула любопытная мордашка девочки лет пяти. Белокурые волосы спадали на синие глаза и миловидное личико.

– Выходите к общему костру, ужинать будем, – пролепетала она смущенно и быстро юркнула назад.

Размяв от долгого лежания тело, Верея выбралась наружу, с интересом рассматривая окружающих её людей. А заметив ту самую светловолосую девочку, направилась к женщинам и предложила свою помощь. Те приняли её с радостью, лишние руки не мешают готовить съестное на такую прорву мужчин.

Вскоре в кашнице подоспела наваристая мясная похлёбка. Верея с удовольствием съела свою порцию, как вдруг услышала неподалеку детский надсадный кашель. Нехороший такой.

– У вас дети болеют? – спросила у рядом сидящей женщины, мужней, поскольку косы её прикрывал плат.

– Да двое мальчонков свалились с лихорадкой. Накупались в ручье и прихворали, но лучше уже им, – ответила та.

– Ничегошеньки им не лучше! От жара маются с вечера! – отложив плошку, подскочила, возражая, тут другая женщина, что была помоложе. Косы её темные по спине хлестнули.

Она руки в бока упёрла, припечатав сердитым взглядом первую говорившую. Сердце её за детей больных сильнее радело.

– Отчего сразу меня не позвали? Ведите, гляну, – поднялась на ноги и Верея, – сейчас только узел с травами свой прихвачу.

– Беспокоить я постеснялась, поди устала с пути, – замялась женщина, семена следом к повозке Ратибора. На них оглядывались другие люди обоза.

– Глупости, – вытащив и повесив сумку на плечо, Верея приказала: – Веди, показывай где они.

Женщину звать было Весняной. Захворавшими оказались её двое деток, почти одновременно мальчишки семи и восьми лет отроду свалились с раздирающим грудь кашлем и отёком горла. Обоих мучил сильный жар, кой и не думал спадать. Пацанят уложили в отдельную телегу, они метались в бреду на расстеленной шкуре. Кожа их была бледна, как полотно.

– Как давно они так? – покачала головой Верея и полезла ковыряться в нутро сумки.

– Почти третий день как кровинки мои в себя не приходят, – по щеке скользнула одинокая слезинка, Весняна смахнула каплю ладонью и прижала руки к груди, рассказывала: – В ручье они возились долго, но не могли замёрзнуть до такого. И на кой мы их только с собой взяли?

Выслушав её, Верея взобралась в телегу и присела рядом с головами мальчонков, положила руки им на лбы.

Горячие, что раскалённое в огне железо!

Среагировав на прикосновение прохладной ладони, один из детей раскрыл подёрнутые пеленой глаза. Не теряя драгоценных минут, Верея поспешила выведать подробности.

– Где у тебя болит, расскажи мне? Или покажи? Я помогу.

– За пазухой всё печёт и в горле свербит. Трудно кха... дышать... хр... – ответил и снова провалился в бред горячки.

Верея опустила ладони ниже, на область солнечного сплетения и, прикрыв веки, потянулась к глубинам их жизненной реки, как Баяна учила... да так и замерла.

Почти всё русло опутано чёрной паутиной ворожбы. Злое колдовство устремилось уже к истокам – к сердцам детей!

– Это не горячка, – распахнув глаза, сообщила матери неутешительную весть. – Последствия тёмной ворожбы.

Женщина вскрикнула в ужасе, ноги её подогнулись, а ослабевшие пальцы соскользнули с ограждения телеги, и она осела наземь прямо там, где стояла. Верея смотрела на неё с сочувствием.

– Они... выживут? – произнесла дрожащим голосом мать, уронив голову на грудь. Слёзы пуще хлынули из глаз, капая на подол. – Ты сможешь помочь?

– Я попытаюсь, – обнадёжила её Верея, снова возвратив внимание к мальчишкам. Провела ладонью по их груди, от сердца до пупка.

Знакомое колдовство-то...

Странная связь прослеживается, словно бы тот нехороший человек, что его наложил, и тот, что прошлой ночью пытался навредить самой Верее – одно лицо. Или скорее не человек, а ведьма.

– Им повезло, не на них злые чары настроены. Застарелые они, мальчишки будто случайно выпачкались в них, – задумчиво бормотала Верея, прощупывая нити этой чужеродной паутины, вливая по капле свои силы.

Тёмная волшба почувствовала чужеродное вторжение, зашипела, что змея ядовитая. Вздрыгнула. Ярилась, но пятилась и отступала прочь.

– Неси горячей воды! – велела Весняне. – Отпаивать будем. Жаль в баньке как следует не прогреть.

Она должна справиться! Всё должно получиться. Иначе невинные дети погибнут!

До самого утра промучились с ними. Мужчины помогли перенесли больных ближе к костру, вместе с Весняной Верея насилу поила детей теплым отваром целебных трав, не жалея себя, Верея продолжала неустанно рвать липкие путы, что высасывали из них жизнь. Люди из обоза прониклись бедой семьи купца, кто как мог помогали.

И пошло дело! Пропотели мальчуганы, Весняна с мужем обтирали сыновей от пота, меняли рубахи.

А к рассвету жар начал спадать. Верея к этому времени совсем из сил выбилась, следы тёмной волшбы она изгнала, и дети просто спали. И кашель стал лучше, не такой страшный. Угроза миновала.

Прислонившись спиной к поваленному бревну, малыми глотками Верея отпивала из крынки золотистой медовой водицы и наблюдала за танцем языков пламени в костре. Руки, ноги не слушались. В сон клонило, веки отяжелели, но она держалась, чтобы не спать.

Нельзя. Нужно Белозара с Тихомиром ещё раз сходить проведать. Братьев унесли обратно в повозку, а прежде женщины шкуры перестелили.

Подсел к ней купец Вячеслав, отец детей.

– Благодарствую тебе, Вереюшка. Вырвала ты сыновей моих из лап смерти. До конца дней теперь в неоплатном долгу перед тобой, – положил широкую ладонь на плечо хрупкое, пожал.

– Полно вам. Не могла я иначе, – улыбнулась. Хорошо так на душе сделалось, что всё старания не зря.

– Мы считали простая гнетуха у них, а оно вон как оказалось... остатки ворожбы тёмной.

– Где же Белозар с Тихомиром могли наткнуться на такое колдовство? – поинтересовалась в свой черед у купца.

– Знамо где. Думал я и наконец понял. Как раз три денёчка назад мы вдоль окоёма глухого леса проезжали. Дремучая там чаща, заросшая, а зверья нет. Поушло всё. И людского селения нет.

Подумал, припоминая и вдруг сказал:

– А раньше было.

Навострила Верея слух, напряглась вся и просила рассказать подробнее. Купец кивнул делано, сел поудобнее, устраиваясь.

– Жил в краях севернее отсюда народ древлян, хорошее было поселение. Проезжали мы раньше мимо, и местный староста в давние года присоединился к нашему обозу. Вместе ездили торговать в городище Кагойар да другие, и всегда удачно.

Замолчал Вячеслав, припоминая былое доброе время.

– Жёнка его, краса светлокосая, губы карминные, всегда нас хорошо привечала, и накормит с дороги и на отдых уставших уложит. Деток двое малых у них было. – Нахмурился он, ладонь на его колене в кулак сжалась. – А десять лет назад беда с ними случилась...

– Что... что в той деревне произошло? – произнесла Верея осипшим голосом.

Внутри всколыхнулось в дурном предчувствии что-то, заболело, натянулось, как тетива, реагируя на слова купца.

– Никто толком не ведаёт. Время много прошло, люди разное молвят. Не разберёшь нынче где правда, а где кривда. Сгорело за ночь селение. И явно не само по себе. Кто-то постарался и следы за собой прибрал с особым тщанием.

Заледенело всё внутри у Вереи. А не о её ли родном доме речь идёт?

Во вчерашнем сне за спиной убийцы пожар горел.

– За несколько недель поля паханные в колючие пустыри заброшенные превратились. Вокруг всё похерело. Трава превратилась в бурую паклю, деревья искривило. На ветках выросли острые колючки, а вместо исполненного свежести воздуха в нос забивается смрад болота. Река Живица, что много рыбы давала зацвела.

– Какой ужас...

– Не то слово, – кивнул Вячеслав. – Был я там. Поехал, как узнал и смог. Гиблое место. Силой нечистой, злой за версту веет так, что душа в пятки уходит, и волосы на шее дыбом встают.

Сплюнул в сторону наземь купец, будто отмахиваясь от того, о чём вспомнить пришлось. Даже он взрослый мужик, выдавший многое за свою жизнь, робел перед той напастью, что с древлянами приключилась.

– Меж стволами там сумрак клубится, и кажется, что вот-вот, хлынет из чащи на тебя что недоброе. Морок мерещится всякий. Живица отравлена гнилью чёрной. От неё ручьи-то и текут. Не ожидал, что колдовство это далеко так расползётся и моих детей коснётся.

Сердце с каждым словом мужчины тяжелело, сдавливалась грудь, и тело Вереи становилось чугунным.

Об её родной земле сказывал Вячеслав.

Нутром чуяла это!

Привычный мир рушился, а душа Вереи уносилась туда, где не было ни радости, ни света, а лишь холодная непроглядная тьма – в осквернённое селение древлян.

Закрыв глаза, она словно наяву видела обугленные беспощадным, злым пламенем остовы домов. Убитые, разбросанные тела жителей.

– Кому помешали люди добрые, ума не приложу. Но о такой жестокости более не слышал.

– Как... звали того старосту с женой?

– Его Дарко, а жёнку Ясна. Детей не припомню уже.

– Я буду о них помнить, – слеза пробежала по щеке. Ясна и Дарко – так значит звали её родичей.

Верея стёрла каплю рукой, закусила губу до боли, чтобы не разреветься при купце. Позже выплачется в одиночестве, а сейчас есть дело поважнее.

– Пойду, сыновей ваших гняну.

Тяжело поднявшись, Верея пошатнулась и чуть не сомлела прямо там, где стояла. Известие вышибло почву из-под ног. Купец среагировал, за руку поддержал.

– Ступай-ка ты лучше в повозку Ратибора, девонька. В порядке всё с моими мальцами, спят оба ровно, жена с ними, а тебе отдых необходим.

И Вячеслав спровадил Верею к повозке. Ещё раз сердечно поблагодарил за спасение чад и удалился.

А Верея улеглась на мешки, скрючилась, укрываясь шкурой, и тихо заплакала в кулак. Выливая наружу скопившуюся боль и горесть, о которых до этого дня и не подозревала.

Теперь она знала, где находится её дом. Обязательно она туда отправится, но сперва доберётся до той избы, на которую резы Баяны указали.

Силу свою сначала познать надо, а опосля уже бороться с тёмной ворожкой.

Так и забылась она тревожным сном с мокрым лицом.

...Весь следующий день провела под пологом повозки, изредка выходила по нужде, а так мочи не было выбраться. Истратила силы на борьбу со злыми чарами. Еду и воду ей приносила Весняна, порадовала, что Белозар с Тихомиром в себя пришли, и сегодня уже сами ложками в мисках орудуют.

– Проснулся аппетит у них! Скоро на поправку идут. Всё порываются наружу на постое вырваться, ноги размять.

– Вот и славно, – кивнула Верея, принимая из рук женщины чарочку горячей сурицы. Пить будет потихоньку. – Пора им бегать.

– Может, травок каких из твоих запасов заварить? Глядишь, легче станет. – Весняна беспокоилась за спасительницу своих чад, помочь желала.

Глаза красные, опухшие заметила, но подумала, что это из-за ночи бессонной.

Откуда ей было знать, что силы веды взварами не восстановит. Время только может. А гложит Верею собственное горе, о котором рассказать и поделиться не с кем. Была бы рядом старица Баяна.

– Со мной всё хорошо, просто отдохну ещё немного, – ответила женщине.

Лёжа на мешках, Верея безучастно смотрела в отогнутый полог телеги. Слева сплошной стеной тянулся лес, с супротивной стороны степи раскинулись. Рядом с повозкой проезжали веженские всадники, слышалось бряцание оружия и доспехов.

Зорко держался поблизости. Его крики Верея слышала то тут, то немногим дальше, сокол следовал за обозом. Так и минул день, а за ним ещё один, однако силы к ней вернулись.

Все три ночи к ряду Верею мучили тревожные сны.

Незнакомец с нацеленной на неё, маленькую девочку, стрелой, лица которого не разглядеть во тьме; огонь, охватывающий деревню, крики и вопли людей. Она сама металась среди них, никого не узнавая, а её кто-то всё звал и звал куда-то идти, но противный, скрипучий, как ржавые дверные петли, хохот старухи заглушал голос зовущего.

Агония, не ведающая конца и края.

На четвертый день после полудня вдалеке завиднелись поля, колосья пшеницы шевелил душный ветер, да торчали над твердью башни с околицей Белозёрки. Из печей к небу вился дым, на лугах пасся скот.

Верея попрощалась с Ратибором, с Весняной и Вячесловом, с их озорными сорванцами, которые уже во всю носились меж повозок.

– Отсюда до весей рукой подать. Бывай, девонька. – Махнул ей рукой старший обоза, и Белозар с Тихомиром тоже с ним рядом.

Улыбнувшись, Верея махнула им в ответ, сошла с дороги и медленно побрела в сторону деревни, а как последняя из телег скрылась за кустами орешника, повернула к лесной чаще.

Искомую избушку нашла до заката. Зорко с высоты помог отыскать путь.

Мохнатые сосны с вётвами в бахрому заслоняли старенький обветшалый сруб. Обошла избу, утопая по пояс в высоком разнотравье, а больше всего полыни тутросло, но последнее и хорошо – злых духов отгоняет трава эта.

Давненько тут никто не жил. А нет, поспешила с выводами...

Зайдя за угол бревенчатой стены, Верея заметила топор у плетня, небольшую горку нарубленных дров, не свежих, посеревших... что было странным для заброшенного места. Может, путник какой забредал сюда с седмицу назад или дети деревенские из Белозёрска прибежали?

Подумала Верея, что надобно наложить на дверной косяк новых охранных рун. Чтобы другим не повадно было.

Подошла ближе к входной двери, да так и застыла... узнала знакомые завитки в нанесенных рунах на потемневшем дубе. Перед взором Вереи ясные воспоминания из сна встали.

Точно такие же в поселении древлян были начертаны. И от стен веяло родной силой.

Внутри по сравнению с теремом Горяна клетушки были непривычно тесными. Вещи разные, пучки трав развешанные, горшки, чарки, старый стол с лавкой, полуразвалившаяся печь – всё покрыто слоем пыли, особенно пол.

Ежели и жила здесь какая отшельница или волхвица из рода, то очень давно. Складывалось ощущение, что она куда-то торопилась и внезапно покинула избу.

Сбросив сумку в угол, Верея сходила за рудниковой водой. Оторвала от найденного старого рушника кусок, смочила в бадье и принялась прибраться, да полы мыть. Пыли-то сколько собралось!

Опосля, пока совсем не стемнело, засобиравшись в лес на охоту и за хворостом свежим.

Сумерки сгущались, зайцев она выследила легко, меткий выстрел и цель повержена. Веток набрала и ягод съедобных узел, но вдруг под облаками закричал сокол.

Зорко зазывал к избушке. Что-то случилось.

Никак тать какой!

Верее пустилась на крик через заросли, следом колыхнулся в листве ветерок, ринулся с веток и окатил моросью. Двух упитанных зайцев она тащила за уши.

Странный шум доносящийся из избы насторожил. Верее свет в оконце за занавесью приметил, но не помнила она, что свечу зажжённую оставляла на столе, даже не вынимала из сумки её.

Не дух ли дома часом шалит? Надобно бы задобрить.

А в окне мелькнул тёмный силуэт.

Большая тень. Высокая. Явно не домового.

Никак путник какой забрёл и хозяйничает в наглуую?! Али разбойник?

Зайцев Верее наземь опустила, подобрала ветку крепкую на вид и, крадучись, направилась к ступеням. Немедля отворила дверь и влетела в внутрь, собираясь выгнать гостя непрошеного, да так и застыла в сенях с занесенной рогатиной.

Дверь в клеть была раскрыта, Верее увидела рослого и широкоплечего светловолосого мужчину. Он стоял спиной ко входу в простых штанах и рубахе льняной, пригнувшись, пил из ковши воду, которую Верее с таким трудом натаскала в бочку.

В сапогах грязных затащился на вымытые половые доски! Она тут спинугнула, убиралась, а этот... у-ух! Невежа какой!

– Т..ты кто?!

Голос её прозвучал не таким грозным, как хотелось бы. Губу закусила с досады.

Незнакомец замер, утолять жажду перестал и медленно повернулся к Верее с деревянным ковшом в руках. Первое, что она увидела – это повязка на его глазах. Гость был вероятно слеп или болен.

А ещё красив и молод.

Суровая его красота. Дикая. Мужчина воин, поняла Верее. На поясе у него висели добротные ножны с кинжалом. И она против него с одной веткой?

– Кто ты? И что забыл в моём доме? – ожесточила тон.

– Живу я здесь, – произнёс невозмутимо. По звуку голоса гость безошибочно определил место, где она стояла.

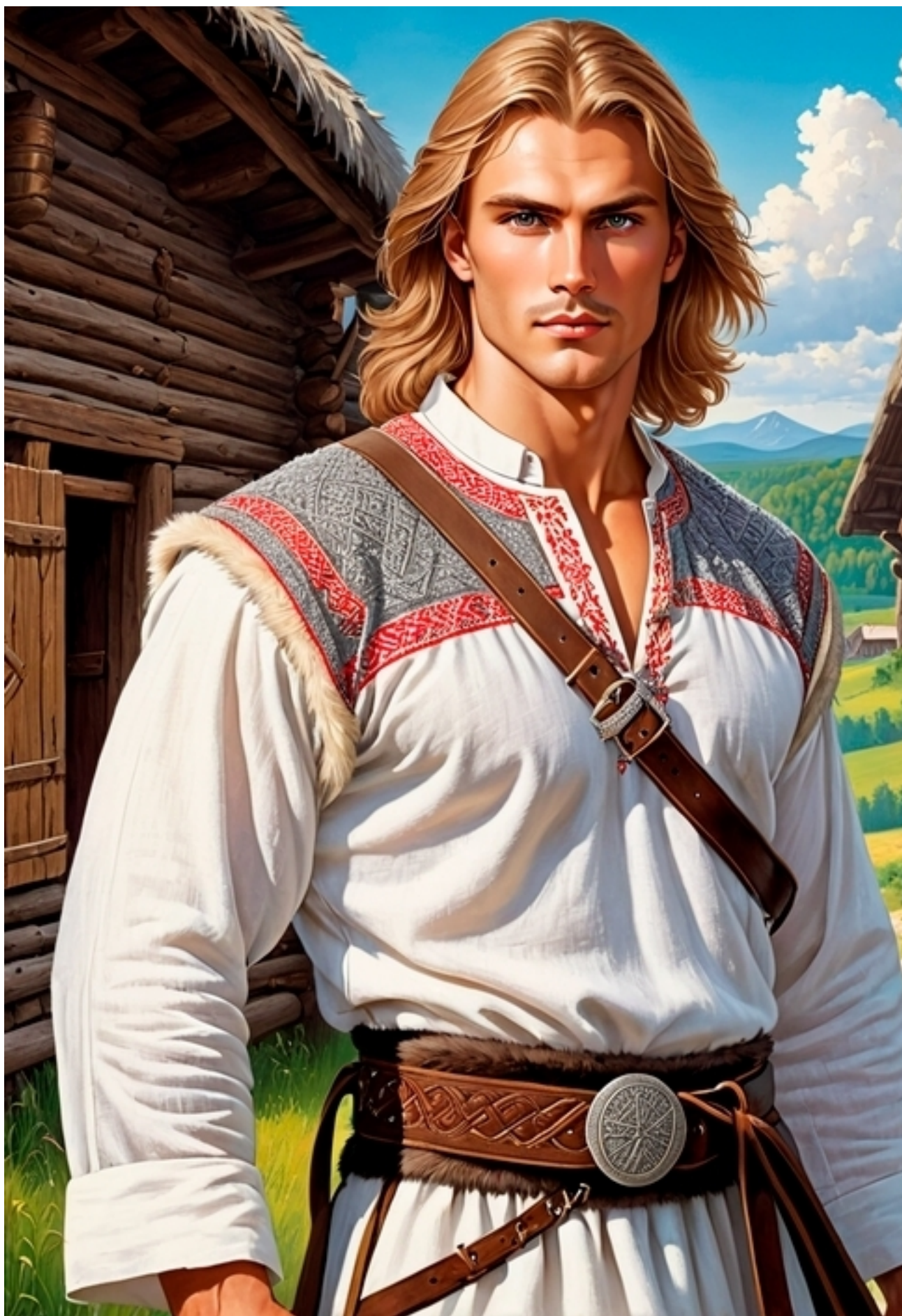
– Как живёшь? Эта хижина мне принадлежит, – пробормотала растерянно, топчась на месте. Истину ему сказывала, раз древлянка здесь обитала.

– А-а, ты хозяйка стало быть. Объявилась наконец, – произнёс странную фразу.

И шагнул ближе, руку протянул, собираясь... что сделать?

– Стой! Не то, – взмахнула грозно корягой, и спохватилась – не видит он её.

Воин слеп.

Глава 5

Незнакомец стремительно надвигался. Охотничьи инстинкты Вереи сработали быстрее разума.

Пнув пяткой стоящее на лавке у входа в сених пустое ведро в сторону, чтобы мужчина отвлёкся на созданный шум, сама бесшумно переступила в другую, незаметно подныривая у него под рукой. И как только молодец повернулся на звук, со всего маху приложила его по затылку рогатиной.

Не ожидавший подобной прыти, молодец с грохотом, как подкошенный, рухнул на пол, растянувшись в тесной избушке во весь свой немалый рост. Верхняя половина туловища оказалась в клетушке с печью, а длинные ноги в сених.

Верея прижала ладонь к своему рту... а не прибила ли она его часом? Затих ведь и более не шевелился.

– Ох! – опомнившись, метнулась зажечь огнём пару лучин, поскольку света от одной чадающей свечи кот наплакал. А как сделала, вернулась к лежащему на животе без движения мужчине.

Стоило его всего осмотреть, как сердце дрогнуло от жалости. Вся его рубаха на спине и правый бок были залиты бурыми пятнами – разводами крови, кои впотьмах она сперва приняла за грязь.

Верея присела рядом с ним на колени. Осторожно раскрыла края рваной ткани и ужаснулась воспалённым рубцам с исходящим от ран неприятным гнилостным запахом. Большие глубокие борозды мужчине оставил зверь, вероятно в лесу ему не повезло нарваться на медведя. Не удивительно в таком-то состоянии, когда зрения лишён.

Лицом молодец был повернут к ней. На неестественно сером лице выступила испарина, глаза скрыты под тёмно-красной повязкой, а губы его беззвучно шевелились. Он бредил. Тяжёлое с присвистом дыхание вырывалось изо рта. Дотронулась ладонью до лба и убедилась, что кожа мужчины горячая, как камни раскаленные.

Тяжесть поселилась и в груди Вереи. Стало жаль его.

Теперь по-иному виделось его поведение. Воина повело на неё. Скорее всего не напасть он хотел, а попросить помощи. А она его палкой огрела до кучи. Вот дела...

И что теперь с ним делать?

Решение пришло само: оставить его умирать Верея не могла. Муки совести замучают. Вылечит этого невежу, а там пусть идёт на все четыре стороны.

Для начала сходила за собранным хворостом и растопила печь. В большом котелке поставила греться воду, в другом, что поменьше для похлёбки. Снова вышла на улицу и занялась свеживанием добытых зайцев, а заодно и мысли в порядок привести.

Слишком многое свалилось на её плечи. Забот по горло.

Расправилась с ушастыми быстро, шкуры промыла и повесила те сушиться, а мясо занесла в избу, порубила кусками и закинула вариться в малый котёл.

Пока поспевал бульон, не с первой попытки стянула с бессознательного богатыря сапоги, и за подмышки кое-как, напрягаясь из последних сил, кряхтя и ругаясь на все лады, взволокла этого упитанного великана в клеть поближе к печи.

– Ну и кабан, – пробурчала, в изнеможении падая возле незнакомца. Полежала немного, переводя дыхание от усердия, пока сердце не успокоило бег, а после встала, решив заняться ранами.

Нарвала кусков от выцветшего рушника, замочила в горячей воде с травами. Стащила с полатей старую лежанку и перекатила туда хворого. Распорол ножом по швам окровавленную

рубаху, осторожно сняла её мужчины да в угол закинула, после выбросит, толку от ней не осталось. Штопать бессмысленно.

Мужчина остался лежать в одних плотных кожаных штанах. Ещё раз поразились размерам этого великана и, стараясь особо не таращиться на обнажённую грудь с мелкими русыми волосками, промыла все глубокие и помельче борозды от когтей. Очистила каждую от грязи и свернувшейся крови с гноем, туго перевязала лоскутами ткани поверх целебной кашицы из трав.

Знатно косолапый его отходил! Крови потерял не мало, а живуч оказался. Принесло же его на её голову...

Сходила в сени, где висели пучки сушеных временем трав у бывшей хозяйки избы, сорвала один и добавила к нему суховеи из своих запасов. Подождла и тут же затушила, стала водить чадящими веточками над лежащим мужчиной, вслух проговаривая молитвы. Всегда те помогали и ускоряли заживление.

Как закончила, смочив тряпицу в прохладной остывшей воде, обтёрла пот с верхней половины его тела. К этому времени жар чуть спал, и суровые черты лица воина расслабились.

Верея склонилась над ним. Потянула ладонь к повязке, желая посмотреть что у него с глазами, но тонкое запястье вдруг перехватили стальные пальцы.

– Не смей! – рыкнул он, очнувшись.

Так получилось, что незнакомец дёрнул её на себя, и Верея, потеряв равновесие, упала ему на перевязанную грудь. Мужчина приглушённо застонал от боли и замер, ощутив мягкость изгибов молодого тела.

– Ты девица что-ли? Не старуха? – казалось, он порядком озадачился, словно ожидал найти в избе как раз старуху. Вероятно, прежнюю хозяйку.

А Верея не знала, что ему ответить, оцепенела и словно язык проглотила.

Воин провёл зачем-то пятерней по спинным позвонкам и спустил ладонь немного ниже поясницы на упругие полушария, отчего Верея пуще зарделась и еле слышно ахнула.

Одна её рука лежала на груди, где тяжело и сильно ухало мужское сердце.

– П..пусти! – пискнула, окончательно растерявшись. – Я же... я промыла твои раны. Они вновь откроются, если не прекратишь напрягать мышцы.

– Коса длинная и шелковистая, – хворый молодец совершенно не слушал её смущённый лепет, он продолжал изучать свою спасительницу.

Поднялся по переплетению косы вверх к голове, перебрался на подбородок, кончиком указательного пальца губ нежных коснулся.

Верея догадалась, что он всё ещё бредит.

Отвар. Нужно дать ему отвар из одолень-травы, пока он в состоянии его проглотить. Переборов стеснение, после горячки мужчина вряд ли вспомнит, как лапал её, Верея спросила:

– Как твоё имя?

Молодец почему-то задумался, и спустя непродолжительное молчание соизволил ответить:

– Яробором меня зовут.

– Отпусти меня, Яробор, – прошептала сипло, близость полуобнажённого мужчины её пугала. – Тебе нужно выпить снадобье.

– А не отравишь, колдунья? – рот его исказился в усмешке, за которой крылась боль.

– Я бы могла убить тебя уже сотню раз, пока лечила раны.

– И то верно... – тихо ответил, разжимая оковы на юном теле, и вновь провалился в пучину горячки.

И тем не менее Верея смогла залить ему в глотку отвар из кувшинок, что дала ей хозяйка реки Ветрана. Ложку за ложкой, проливая капли, но влила в Яробора нужное количество.

Вот и пригодился венчик.

Сделав это, Верея доковыляла до узкой лавки, улеглась прямо на голые доски, да так и заснула утомлённая.

В эту длинную и тяжёлую ночь кошмары её не мучили.

Поздним утром Верею разбудило щебетание птиц за окном. Солнечный свет уже во всю проникал в окна и во все щели ветхого жилища.

Это какая она соня! Посетовала на саму себя, с трудом садясь на лавке. Хотела ведь встать с рассветом, поскольку дел невпроворот, а провалялась вон аж до каких пор. Непорядок. Умаялась за вчера, что ещё сказать.

От жёстких досок ныло всё тело, от долгого лежания онемели руки и ноги, а как только она пошевелилась, разгоняя по жилам кровь, атаковали колкие мурашки. Поёжилась от прохладного воздуха, огонь в печи-то потух. Надо будет налаживать быт со здешним домовым и духом запечником, поскольку теперь ей предстоит в этой избе жить.

Окончательно проснувшись, первым делом Верея сходила проведать раненого. Мужчина крепко спал. Его дыхание было глубоким и спокойным, грудная клетка ровно вздымалась и опадала.

Верея и сама вздохнула с облегчением. Не зря спасала, приложив к этому немало усилий. С такими ранами без посторонней помощи воин бы не выжил.

Яробор...

Станный он. Одежа вроде простая на нём, а кинжал при себе довольно искусный имеет. Такой купцы или знатные бояре позволить себе могут.

Верея отмахнулась от этой мысли, как от назойливой мухи. Ей-то дело какое? Вылечит и скатертью дорога ему.

Старая волчья шкура сползла с груди молодца, повязки слегка пропитались бурыми пятнами, позже поменять надобно будет. Верея подошла ближе и осторожно дотронулась до его лба, чтобы не потревожить навешанные травами сон.

Лоб был теплым, жар спал. Вот и хорошо! Вот и ладно. Значит на поправку Яробор идёт.

Окинув избу придирчивым взглядом, стараясь не шуметь, Верея сходила в заросший травой двор за примеченными ранее дровами, собираясь заново растопить печь. Хворому необходимо постоянно находиться в тепле.

Ухватом поставила в гарнило печи котелок с похлёбкой из мяса зайца, а после, как потушилось, добавила туда репу с горстью крупы, что семья купца пожаловала за помощь. Отвар из одолень-травы подогрела.

Русалочий цветок по иному он называется. Мать Сыра Земля с живой водой этот цветок породили – оттого есть мощь у него против нечистой силы в водах и в полях, и на земле вообще. Рвать кувшинки нужно с ласковыми словами, да заткнув уши.

И ни в коем случае не позволялось срезать их ножом. Баяна говорила, что при этом якобы стебель кувшинки истекает кровью, а тот, кто это делает, будет видеть тяжёлые, кошмарные сны.

С корневищем одолень-травы в руках пастухи обходили поле, чтобы при пастьбе предохранить скот от пропажи, а ещё старица сказывала, что помимо лечебных свойств отвар этот может возжигать пламя ответной любви.

Вот в последнем Верея сомневалась. Ну, рвали кувшинки её подруженьки из Калиновки, пробовали Сурица с рыжеволосой Ирией любых своих молодцев напоить да без толку всё.

А, может, оттого, что чувства без ответа их остались?

Тряхнула сердито косой, изгоняя мысли не к месту, которые её посетили, отошла от печи к грубо сколоченному столу, травы свои из охотничьей сумки вытащила, перебирать стала, развесит позже.

К чему вообще об любви задумалась? Ей точно нынче не до женихов.

О том, где провизии раздобыть думать надобно, а не о всяких пустяках да глупостях!

Сходить на охоту, шкурками и мясом запастись, трав собрать, засушить, а опосля в поселении местное можно наведаться, обменять на муку с крупой, да вещи разные. Парочку плошек с чарками. От бывлой хозяйки поди ничего путного не осталось, растащила детвора доброе всё.

С жителями Белозёрки знакомства завести. Может, помощь кому из людей нужна или скот вылечить худый.

Досок найти, мужиков упросить крышу починить, когда небеса громом и дождём разгрозятся течь во все щели будет. Зима скоро подлетит, такие важные дела откладывать нельзя.

Кущери при дворе и сама серпом выкосит, вон он, в сенях на крючке висит. А тяжёлая-то работа не по силам будет слабой девице.

– Кто ты?

Веря чуть не подпрыгнула на лавке, раздавшийся за спиной голос Яробора её порядком напугал. За своими думками она успела и позабыть о раненом!

Угомонив зашедшееся в волнении сердечко, обернулась к мужчине. Держась за туго перевязанный живот, он поднялся с лежанки и теперь стоял, пригнувшись, о дверной косяк тяжело плечом опирался. Потолок явно для его роста оказался низок и неудобен.

Веря сглотнула в горле ком, слишком много места в тесной клетушке занимал воин! Она-то никогда до этого не оставалась наедине с мужчиной... Ждан с Горяном не в счёт, родичи.

– Меня Веря зовут, – тихо произнесла, робея перед этим богатырём. Пусть он и ранен, мало ли что ему в голову взбредёт. – Садись за стол, тебе поесть нужно, я сейчас жидкого налью.

Споро сгребла и переложила пучки трав на узкий подоконник. Шелуху в подол тряпицей со стола смахнула.

Ей пришлось протиснуться мимо него к печи. Едва не задела Яробора плечом, аж дыхание задержала, когда скользнула рядом, а воин казалось наоборот, подался ей вслед и с шумом втянул носом воздух.

Или запах её.

Ведёт себя, как дикарь!

Отодвинулась от раненого ещё чуть дальше и полезла в котелок проверить не остыла ли похлёбка. Горячая ещё, вот и хорошо.

– Вере-ея...

От того, как протянул её имя, у ней дрожь по спине пробежала, и руки затряслись. Что уж говорить о глупом сердце, ухнувшем прямиком в пятки.

– Так кто ты, Веря? – повторил свой вопрос.

– Я... ведунья из Белозёрки. Бабка моя здесь жила.

По сути про бабку не солгала. А что ему ещё сказать?

Ведунья, значит. Благодарствую, что раны подлечила.

– Пустое. Не могла я иначе. Садись, трапезу разделим. Тебе сил набраться нужно, – обернулась к нему и увидела, что молодец на месте стоит и затылок потирает.

Жар стыда осыпал спину. А это ведь она его рогатиной приложила! Понадеялась, не вспомнит, что вчера в бреду творил. Не тут-то было.

– Тяжёлая у тебя рука однако, ведунья, – усмехнулся, разминая шею. – Хорошо ты меня огрела.

И вроде бы совсем не зло сказал. С довольством даже, отчего румянец ярче на щеках расцвел маками.

– Прости. Я думала... ты напасть на меня хотел, – принялась оправдываться, наливая в миски бульона с репой и крупой. Яробору кусочки мяса пожирнее да побольше положила, себе поменьше. – Мой батюшка... охотником по молодости был. Вот и обучил всему, что сам знал и умел. И как за себя постоять.

Подбирала слова Верея осторожно, чтобы ненароком лишнего не сболтнуть.

Взяв в обе руки старые деревянные доски, которые вчера днём отмыла, понесла похлёбку к столу, мимо криво ухмыляющегося молодца. На этот раз он потеснился, давая свободно пройти к столу, Верея почувствовала, как он провёл ладонью по всей длине её косицы.

Мурашки разбежались вниз по позвонкам от мимолётного касания мужчины. Яробор не мог видеть и изучал окружающее его пространство через прикосновения. Верея спустила ему эту вольность, а про себя подумала, что так и не переплела косу свою после сна.

– Мудрый у тебя отец, – кивнул одобрительно.

– Да... – подтвердила. А у самой слезы на глаза наворачивались, зарезали, затмили взор. Старосте Горяну она за всё благодарна.

Глубокая печаль грузом легла на сердце: родных-то отца и матушки уже как десять вёсен нет живых. Насилу зажмурилась, избавляясь от скорбных чувств. Лишь тихий всхлип слетел с приоткрытых уст.

Главное она выжила. Придёт её время, сила пробудится и окрепнет, и Верея сполна отомстит всем повинным за жестокую расправу над её родом. За мучения и смерть каждого древлянина. Так и будет.

Доски расставила, ложки к ним. Отвара целебного в ковш налила, водрузила на стол с противоположной от себя стороны. Краюху хлеба разломил, большую часть мужчине положила, а себе поменьше. Последний кусок.

Оглянулась через плечо на замершего у дверного косяка Яробора, почему не идёт?

– Помочь? – не видит же он ничего и слаб. Привыкнуть уже надо, посетовала на себя за недогадливость. Тяжело ему двигаться с такими ранами. Подошла к мужчине, руки протянула. – Обопрись на моё плечо.

– Я не настолько уязвимый, – буркнул вдруг гневно и отмахнулся от помощи. Получилось, что ненароком звонко ударил её по ладоням, – сам передвигаться могу.

Верея губы поджала и поспешно отошла назад. Но не получалось на Яробора по настоящему злиться. Ох и сложный он человек! Истинный воин, не признающий слабости. Несмотря на своё поведение он вызывал к себе уважение.

Села на лавку и стала наблюдать, как аккуратно, но со знанием, где что находится в клетке, ступает мужчина. Он не задел своим богатырским телом ни лавки, ни стоящего в углу табурета. Похоже, правда жил здесь, не соврал.

Яробор оперся руками о расколовшуюся поверхность стола, сцепил в напряжении зубы, опускаясь. Раны от медвежьих когтей беспокоили ноющей болью.

– Вкусно. Спасибо, – распробовав похлёбку произнёс более мягким тоном, ощущая за собой вину за грубость. – Зайчатина? Давно не ел домашней стряпни.

Верея кивнула. Услышать похвалу от мужчины оказалось приятно, а после разумела, что Яробор не видит её кивка, и тихо сказала вслух:

– Да. На твоё здоровье.

Ели в тишине, нарушаемой лишь стрекотанием птиц на улице и шумным дыханием обоих. Когда с пищей было покончено, Верея попробовала вывести мужчину на разговор.

– И давно ты тут... живёшь?

– Две седмицы назад набрёл на эту избу. Волхвы поведали, что сильная ведунья, старуха мудрёная годами и опытом, здесь живёт. – Осушил ковш с отваром до дна и со стуком опустил на стол.

Хмыкнул неприязненно.

– Только не каждому встречному помочь она соглашается. Привередливая в этом деле. Думал, специально не показывается, чтобы сам восояси убрался. Пока рыскал по окрестностям на медведя нарвался, думал, она на меня косолапого натравила. Повезло удрать от шатуна живым.

– Это не так... нет бабки моей больше. Умерла, – в голосе скрыть боль не получилось.

Одиночество и тоска обрушились на хрупкие девичьи плечи, пригиная спину ближе к матушке-землице. Верея сжала чарку с водой в ладонях. И хорошо, что молодец её сейчас не видит.

– Вон оно что. Не изводила меня, значит, старая.

– Откуда ты, Яробор? И что у тебя с глазами? – Интересно было послушать его наверняка непростую историю. – Их вылечить у неё просить хотел?

– Верно, Верея. Глаза. – Яробор помолчал немного, собираясь с мыслями и духом, а после произнёс: – Я не всегда был слеп. Два года ничего не вижу кроме холодной тьмы.

Сложил могучие руки на стол и провернул голову к окну, с которого Верея утром содрала старый и местами порванный бычий пузырь, пустив в дом свет. Слабый ветерок всколыхнул его светлые волосы и ленту повязки.

– До потери зрения я служил воеводой у кагоряского князя Буревого...

Глава 6

...Яробор.

За столько времени, пока блуждает впотьмах, княжич уже привык к этому имени. Так нарекла его родная матушка, но князь Буревой настоял звать Златояром.

Молодой княжич уважал своего отца, жаждал походить на него, хотел, чтобы его также боялись недруги и признавали силу.

Давным-давно, когда Буревой был совсем мальчонкой на его поселение напало варяжское племя. Тати разграбили жилища, женщин попортили, пленили сильных мужей, девиц в рабство увели, а дома сожгли. Князю тогда чудом удалось улизнуть в лесные заросли.

Тати колючки не сунулись проверить. Он кусал кулаки до крови, чтобы не выть вслух, слёзы горечи глотал, а сердце наполнялось яростью и жаждой расправы.

Буревой взрастил в себе чёрный яд ненависти к варягам и однажды свершил месть – голова того вождя, что принёс беду в его дом, скатилась с плеч. А он войском верным обзавелся и княжество своё отстроил, городище целое!

Суженую свою повстречал, княгиню Зарину. Она также как и князь из словенского простого народа была. Любовь пылкая, страстная обуяла их сердца, и родился на свет он, княжич, – плод их любви.

В походы с собой Буревой брал Златояра на север, восток и запад, морем и сушей, завоевывали они с дружиной один за другим окрестные народы. Прививал князь Златояру отчаянную храбрость, жажду власти и славы. Чтоб карал недругов без сожаления и правил после него твёрдой волей.

Княгиня Зарина всегда с тревогой на сердце и мольбами быть осторожными их провожала, а встречала радостно и ласковым словом да нежными поцелуями одаривала.

Но однажды всё изменилось, когда в городище с заморскими послами пожаловала одинокая путница...

Звали её Агидель. Буревой как только увидел светлокосую статную красавицу голову потерял. Покоя лишился, днями и ночами спать не мог, жаждал обладать заморской девицей, словно околдовала та его своей диковиной красотой.

Про любимую княгиню Зарину позабыл и даже не глядел в сторону жены более. За молодой красой всё ухаживал, долго не давалась Агидель, распаляя мужской интерес, но потом всё же сдалась, и сделал Буревой её своей наложницей вопреки воли жены. Князь он, али не князь?!

Княгиня занедужила вскоре в тоске. Ни волхвы, ни знахари излечить не смогли, руками разводили, так и скончалась родная матушка Златояра. На погребении князь ни слезинки не проронил, стоял и спокойно наблюдал, как пожирал огонь тело некогда любимой женщины.

А сразу после окончания траура Буревой женился на Агидель. Уже тогда княжич неладное заподозрил, но смолчал, покоровшись воле отца.

Шли годы. Златояр вырос и возмужал в могучего молодца, походы сам возглавлял. И все чаще стал замечать на себе взгляды княгини. Удивительно, красота её не увядала, когда Буревой старел на глазах.

Агидель пробралась к власти, князь потакал её прихотям и слушал её советов вместо речей и уговоров верных бояр. Златояр до сих пор не мог понять зачем Буревому понадобилось вырезать всё племя древлян. Ничем они Кагояру не угрожали, купцов с хорошими товарами всегда засылали.

Княжич и по сей день не мог простить себе, что не помешал отцу загубить столько невинных жизней. Буревой даже в детей стрелял...

Минуло время. Княгиня не давала Златояру прохода, соблазняла всячески, одаривала заискивающими взглядами, он отмахивался. Пытался пристыдить, как можно ежели она жена правителя, а он его кровный сын! Но змее всё нипочём, она лишь улыбалась, а в чёрной душе её копилась злоба на отказы. Буревой был слеп.

Вернувшись со своего последнего похода, княжич парился в хорошо натопленной баньке, как одетая в один меховой плащ к нему заявила Агидель. Она скинула его, представ перед ним обнаженной. Красивая и расчётливая. Тело, как у девицы молодой. Решила достичь цели нахрапом.

Голова у Златояра шла кругом, с дороги он порядком испил доброго хмеля, чтобы ослабить тело и разум, поэтому сперва растерялся и позволил ей себя поцеловать и обнять. Опося дошло, что делает и с кем, и прогнал тогда он распутную княгиню. А Агидель прокляла его за то, что отверг.

Ведьмой она оказалась чёрной. Более ста лет злодеяния творила на свете. Молодость себе в тайне жертвоприношениями невинной крови продлевала на капище. Наследника зачать от княжича хотела, с князем не получалось. Да и люб Златояр стал черствому сердцу.

Проклятье княгини отняло зрение, а Буревой даже слушать не желал, какую змею пригрел на шее.

Мучился Златояр от болей, что помимо слепоты к проклятью прилагались. Раз в седмицу кровавые слёзы душили, а в голове звенел скрипучий хохот отвергнутой ведьмы.

Скитался княжич по землям, назывался всем другим именем, чтобы никто не признал, кто он есть на самом деле, но ни один волхв, ни знахарь не смогли побороть колдовство тёмное.

Извести его верно змея светлокосая собралась! Отца против настроила, а бояре и дружинники указа князя послушаться не могли, клятву верности ведь приносили Буревому. Впору духа лишиться, но княжич упорно цеплялся за жизнь, не сдавался.

А месяц назад кагорский волхв Ведаг ряс на него раскинул, поглядел и обмолвился, что есть ещё надежда.

- Рождённая в весеннем лесу с первыми лучами солнца ведунья, умеющая слышать духов леса, способна избавить тебя от проклятья ведьмы. Живёт она...

Ведаг и поведал княжичу, что такие волхвицы с ведами селились поглубже в лесах, в чащобах и буреломах непролазных. Подальше от людей, поближе к духам, дабы силы свои колдовские проявлять да костры на капищах возжигать. И не только светлых, но и тёмных богов.

Так и привела дорожка судьбы княжича в заброшенную избушку.

Однако не ожидал он встретить вместо дряхлой вредной старухи девицу молодую и притягательную. От её присутствия кровь вскипала в жилах воина, и сердце учащенно билось.

Давно у него не было женщины...

Всей правды о себе Верее княжич не мог открыть, потому немного переиначил историю.

- В землях степных беспокойно было, давил каганат полян, угрозой нависая над нами. Набеги совершали на селения у окраин. Торговые пути из степей к нам не безопасны стали, боялись купцы ходить. Князь меня с дружиной отправил с наказом договориться или разобратся с кочевниками. - Произнёс Златояр задумчиво, вспоминая былое время.

Такое взаправду случалось. Воевали они с хазарами долго.

- Племя они горячее, и дружба у них так же крепка, как и ярость сожжёт всё, коли пыхнет, жестоки они в бою и безжалостны. Не сговорились с их вождём. Мы разбили их, дальше в степи пустынные погнали, а один из татей прежде, чем последний вдох испустить, успел мне в лицо пыльцу какую-то сыпнуть. Шепот чуждого наречия я услышал, и свет белого дня померк для меня.

- А что ваши волхвы? Излечить не смогли? - спросила Верее, утварь со стола убирая.

Жалость поселилась в девичьем сердце к молодцу. Горян рассказывал ей со Жданом, как жестоки в битвах племя кочевников, не чужаются использовать яды в сражениях.

– Кагорский волхв пробовал лечить меня и другие, все как один молвили, что колдовство это тёмное. Сильное. Верно в плену ведьма с ними была или по своей воле примкнула к кагану. Знали кого бить, иродово племя!

Княжич по столу бахнул кулаком, ковш подпрыгнул и на пол свалился. Такая злость на проделки княгини пробрала, аж внутри всё задрожало и натянулось до предела. Из-за этой твари чёрной сколько судеб порушилось и жизнью загублено!

Ведуню молодую обманом приходится опутывать, надеясь на помощь. Не мог иначе княжич, опасно правду о себе раскрывать: немало врагов нажил себе Буревой. Любой воспользоваться его слабостью может и убить.

Тогда лишится князь единственного наследника, и власть его пошатнётся. Уже пошатнулась! Шепчутся по углам бояре и дружинники, что безумие овладевает Буревым, но в открытую опасаются перечить, страшась на княжий гнев нарваться и ведьмин взор.

Агидель ни сына, ни дочери так и не подарила роду. Милостивы боги! Не дают зачать ведьме.

Для всех в городище и в округе известно, что недужит княжич, в походы выходить перестал. Волхв постарался слухи распустить, давая возможность княжичу спокойно выйти за пределы, чтобы побороть проклятье змеи.

Пока боятся соседи могучего грозного войска Буревоего, не думают соваться с мечом, дабы лакомый кусок плодородной земли себе оттяпать. Однако жажда наживы рано или поздно перевесит чашу весов.

За два года скитаний Златояр привык к имени, данному родной матушкой при рождении. Покаялся, что костями ляжет, но вернёт себе зрение и отыщет способ уничтожить ведьму.

А коли тьма от взора всё же не отступит, он хитростью действовать станет, подберётся ближе и собственноручно шею гадюке свернёт.

– Чего буянишь? Утварь мне последнюю роняешь и бьёшь? – прилетел неожиданный укор от девицы. – Понимаю, что неумогу. Что злость берет от бессилия, но не порть последнее уцелевшее. Итак нет тут ничего доброго, всё разошлось и поветшало.

Голос Вереи был мягок, несмотря на смысл слов, бархатом лег на взрывшееся сердце. Сменил там грозу, прогнал злость. Княжич враз успокоился, и верно, забылся он.

– Прости. Я новое тебе из дерева выстругаю.

– Нет уж. Сперва дай время ранам затянуться, не губи мои вчерашние труды. Я до расвета с тобой маялась, – слушая её, дивился княжич, как Верее так легко далось остудить его пыл воинственный.

Всего несколько слов произнесла – и злости как не бывало, а чувство вины привязалось.

– Давай сейчас повязки сменю, а потом гляну, что у тебя с глазами.

– Хорошо, – повернулся к ней, с трудом вытаскивая длинные ноги из-под стола.

Хоть княжич не видел, что делала девица, он остро ощущал её присутствие рядом. Вслушивался, как гремела она котелками у печи, ловил кожей движение воздуха возле себя, как только она проходила мимо. С жадностью вдыхал запах юного тела.

Вот она приблизилась к нему и стала промачивать негодные лоскуты повязок и с осторожностью их снимать, чтобы не доставить ему лишней боли. Терпел боль он и посильнее.

От прикосновения нежных пальчиков к плечам и груди по телу княжича хлынула волна тепла. Закружила голову, перехватила дыхание.

– Повернись спиной, – попросила тихо. Её дыхание тоже сбилось, а звонкий голосок осип. Видно впервой Верее приходилось переживать такую близость с мужчиной. По сути незнакомцем.

Доброе и храброе у неё сердце, раз не погнала его прочь с порога. Княжич пожалел, что не может видеть свою спасительницу. До немоготы хотелось взглянуть!

Меж тем девица промыла тёплым отваром остатки травяной кашицы с борозд ран и запёкшуюся кровь.

– Не гноятся. Как хорошо!

Да, он чувствовал себя многим лучше, чем вчера. И все благодаря ей.

Веря умело и быстро наложила новые лоскутки ткани и надёжно закрепила узелками. А прежде, чем она потянулась к повязке, скрывающие его проклятые глаза, княжич сам от себя не ожидая вдруг произнёс:

– Позволишь коснуться лица своего? Хочу узнать, как ты выглядишь.

Его спасительница вздрогнула, ладони на его груди замерли. Показалось, Веря сейчас испугается и сбежит, потому сам поднял руку и положил на девичью щеку. Другой притянул к себе за узкую талию. Так получилось, что Веря оказалась стоять меж его разведённых коленей.

Она дыхание затаила.

А он наоборот, жадно повёл носом, делая глубокий вдох с наслаждением. Запах ведуньи такой манкий до одури. Он туманил голову и будил низменные желания.

Златояр осторожно, боясь спугнуть попавшую в сети птичку, касался её нежной кожи без изъяна грубыми, мозолистыми от оружия пальцами. Обвёл овал точёного личика, аккуратный маленький нос, изогнутые дуги бровей. Прикрытые веки.

Ресницы девицы трепетали, она задышала чаще и шумно, когда подушечкой большого пальца княжич дотронулся до бархатистых губ. Но не сделала попытки отстраниться.

– Красивая... – его собственный голос охрип до неузнаваемого. Златояр изучал её через прикосновения, представляя внешность в своём воображении.

Осмелев, он медленно заскользил другой рукой выше по спинным позвонкам, пересчитал и огладил каждый из них, вырывая из уст ведуньи новые вздохи. Попробовал на ощупь шелковистость растрепавшейся косы.

– Какого цвета твои волосы?

– Светлые.

– Как лучи самого солнца? – уточнил, перетирая их в пальцах, наслаждаясь мягкостью.

– Наверное.

– А глаза? Зелёные, как насыщенная листва леса? – продолжал нашептывать, поднимаясь по переплетению вверх, так и не найдя в косе ни украшений, ни ленты. Значит не помолвлена его спасительница.

Свободная.

– Нет, ясно голубые, – замороженно ответила на ненавящевые ласки и не привычные слуху слова. Ей нравилось, что он делал.

– Как бездонный колодец неба, – пробормотал.

Неискушенная. Не тронутая мужчиной. Княжич понял это по яркому отклику её трепещущего в его объятиях тела. Прекрасный нежный цветок.

Желанный. Запретный для него плод.

От прикосновений сильных рук воеводы князя мурашки разбежались по девичьему телу. Веря поймала себя на том, что ей они неожиданно приятны. Она должна была оттолкнуть мужчину, не позволять трогать себя, но почему-то растерялась и не могла прекратить это. Наваждение какое-то!

– Хотел бы я увидеть тебя...

Произнёс он с тихим сожалением, убирая руки от её лица и косы и устраивая их у себя поверх бёдер. Опустив взгляд вниз, Веря заметила, как с силой он сжал их в кулаки.

– Увидишь. Я постараюсь помочь.

Тряхнула головой, разгоняя туман в мыслях, и постаралась сосредоточиться. Потянулась к лицу княжича, указательными и большими пальчиками край повязки подцепила, на лоб грубую ткань собирая, а открыв глаза его, в ужасе ладонь к своему рту прижала, вскрик заглушив...

Глаза молодца выглядели болезненными. Белки кровью налиты, а некогда медовая радужка поблекла, и её пронизали чернильные жгуты проклятия. Веки и кожа вокруг тёмная и воспалённая, испещрённая сетью морщин, как у старика. Жилы у висков вздулись.

Никогда Верея не видела такого!

– Всё настолько плохо? – криво усмехнулся княжич, услышав, что ведунья молодая аж дыхание затаила от открывшегося ей зрелища. Он-то ни разу с тех пор, как ослеп, глаз своих не видел. А судя по реакции девицы, вид у него не из лучших.

– Да... – выдохнула, с духом собираясь. – Пожалуйста, закрой глаза.

Молодец выполнил просьбу. Верея положила одну руку ему на голову, другую на солнечное сплетение. Смежила веки и потянулась к глубинам его жизненной реки, как и в прошлый раз с детьми купца.

Вобрав полную грудь воздуха, задержала его на мгновение. На выдохе решительно, но плавно погрузилась в бурлящий поток жизненной силы воина. И сразу понеслась по быстрому течению, прочь от яви, всё больше удаляя свою душу от тела.

Чёрная воронка чужой ворожбы прошла тело жгутами боли и ядовитыми шипами. Не хотела пускать, опутывала руки и ноги вязкой паутиной, гневно шипела и сковывала движения, норовила попасть в рот и нос и загубить вторгшуюся девицу. Но Верея отважно сражалась с тёмным колдовством, упрямо плыла на звук буйно стучащего мужского сердца.

Кувыркнулась в недрах, потеряв всякую опору, и уже не могла распознать, где дно русла, а где небо. В какую сторону грести? Стало так холодно, что, казалось, бесплотное тело её покрывалось ледяной коркой, вытягивавшей тепло, забивавшей дыхание.

С непосильной для неё ворожбой она столкнулась. Слаба ещё. Не сможет побороть. Проклятье ведьмы накрепко въелось в Яробора когтями. И отпускать добычу не собирается.

Невиданная сила скрутила. Паника и страх забурили внутри, пронзая холодом до самых костей. Отчаянно извиваясь, Верея заставила себя во чтобы то ни стало вырваться, изворачиваясь и дёргаясь, но её, наоборот, завертело. Почувствовала, что захлёбывается, истончаются её последние остатки силы. Проклятие тянуло вниз на самое дно, во тьму, в ворота чертогов мрака.

«Мой он. Не отдам тебе!» – шипел, что змея, изломанный, скрипучий голос дряхлой старухи. – *Погублю, тварь светлая!*

Тонкая нить, связывающая Верею с телом, стремительно истощалась и таяла. Медленно провалилась она в кромешную, ледяную тьму, как вдруг иная, ярая сила вытолкнула её душу обратно в явь...

Верея отдёргнула похолодевшую руку от Яробора, отшатнулась от него в страхе и повалилась на зад на пол избы. Карябая ногтями доски, пыталась ухватиться за расколовшийся привычный мир. Её дух слишком долго парил в недрах Нави.

Казалось чернильная муть русла до сих пор заполняла свинцовую грудь. Тошнота душила.

«Дыши! Не смей сдаваться!» – а это уже голос той, что помогла вернуться в Явь. Дух древлянки, хозяйки ветхой избышки, что жила здесь до них.

С усилием Верее удалось сделать вдох, а после ещё и ещё. Она наново училась дышать. Сердце трепещущим комком стучало в самом горле.

– Эй? Ты как?! – Мужской обеспокоенный голос ворвался в хаотичные мысли. Кто-то легонько потряхнул её за плечи. – Верея!!

Круговерть перед взором улеглась, чужая тьма и давящая могильной плитой воля отступили, и Верея различила перед собой склонившегося над ней Яробора. Он стоял на коленях и морщился от боли в ранах, от напряжения мышц повязки снова пропитались кровью.

– П..пусти, – промолвила, еле слышно.

Он сразу же разжал руки, а она отползла от него к стене. Как только спиной нашла опору, подтянула колени к груди и обняла себя руками. Тело всё ещё сотрясало дрожью.

– Верея? С тобой всё в порядке? – спросил княжич, ещё в начале ощутив, как только девица его коснулась, что что-то пошло не так.

– Да... – отозвалась она сиплым голосом. – Прости. Я... слишком слаба. Не вступила ещё в полную силу, клятвы Ладе не давала.

Поднявшись на ноги, пошатываясь, побрела к двери. Ей нужно побыть наедине с собой, подумать. До немоготы хотелось на свежий воздух!

– Я в лес, силки проверю, – наплела первое, что в голову взбрело. – А ты ложись, не то раны вновь откроются.

– Верея, постой, – княжич руку ей в след выбросил, но схватил лишь пустоту. Девица уже в сени ускользнула, а через мгновение скрипнула входная дверь, да быстрые шаги по порогу прозвучали.

Ушла. Испугалась чего? Проклятья ведьминого?

Али его, что горой над ней, маленькой и хрупкой навис? Со злости княжич кулаком по доскам пола саданул и голову понурил.

Верея бежала не видя заросшей тропы перед собой от застывших взор слёз и ужаса. Ноги цеплялись за ковер из трав, ветки деревьев и кустов хлестали по лицу и рукам, цеплялись за волосы, она падала, вставала и снова бежала.

Куда? Не знала. Ноги сами несли прочь.

А всё потому, что проклявшая Яробора ведьма та самая, что злую ворожбу на её родное поселение наслала. Ворожкой этой отравлена Живица, протекающая возле пепелища и топей, соприкоснувшись с её водами захворали дети купца Вяженского. Силу тёмную, губительную Верея узнала, погрузившись в жизненные потоки реки мужчины.

Либо это нелепое совпадение. Либо темнит что-то мблodeц.

В любом случае не тягаться Верею с ведьмой пока её сила не окрепнет. Спотыкнувшись о кочку, она повалилась наземь, так и осталась лежать недвижимой. Мочи не было, устала.

Над головой скрипели великие сосны, меж их высоких стволов гулял ревущий ветер. Полдень, а света солнца не видать, не проникают и не греют землю лучи сквозь богатые листвой и иголками кроны. Серые тучи над лесом нависли. Воздух сгустился, и похолодало.

Сварог гневается. Никак небеса вскоре громом разразятся, и дождь стеной польёт, пару дней как грозится, а все ни капли не упало. Но возвращаться не хотелось.

– Кьё-ёк! – прорезал лесные звуки соколиный крик. Следом послышались хлопки крыльев, Зорко приземлился на полусгнившую, поваленную корягу рядом с лежащей Вереей.

Она подняла голову на птицу, сокол перебирал когтями по замшелому краю и с тревогой смотрел на неё.

– Всё хорошо со мной, друг, – протянула руку и погладила коричневые шелковые пёрышки Зорко.

Заклекотал он ворчливо, не поверив. Крылья расправил и голову на бок вывернул, глазами-бусинками моргнул. Мол, ежели всё в порядке на земле со слезами не валяются!

– Всё-то ты понимаешь и чувствуешь, – натянуто улыбнулась. – Я справлюсь с трудностями, не переживай.

Верея утёрла сырость с лица и поднялась, соринки и мелкие травинки с льняного сарафана стряхнула, но выпачкалась ткань в соке зелени и грязи. А ещё мблodeца засохшая кровь на подле и рукавах рубахи. Стирать теперь его на заре, и то если толк в этом будет. Завтра

переоденется в другую рубаху с платьем, хорошо, что одежду свою прихватить из дома старосты не забыла.

– Давай лучше по лесу пройдемся, родимый? Дома есть совсем нечего, а у меня жилец неожиданный объявился, медведем подранный. Не выгонишь за порог, жалко.

– Къёк, – вновь заворчала птица, сложив крылья, мол, знамо, видали, какой жилец непрощенный в избушку пожаловал. Важный чересчур.

– Тогда поспешим, мой хороший, пока дождь не заморосил. Чую, изба старухина протечёт. Чинить её надобно.

На душе легче стало. Своим появлением сокол отвёл тоску и отпугнул страх. Верея кивнула своим мыслям, однажды справится она с ведьмой поганой. И с Яробора проклятье снимет. С духом старицы, хозяйкой избы, поговорить следует, уж она-то поспособствует. Должна! Помогла ведь сегодня, когда задыхалась она в путах ведьмы, вытолкнула в Явь.

А пока Верея лесные дары соберёт. Ягод сладких и сочных, да грибов. Пожалела, что лук со стрелами и нож дома остались.

Это ничего! Так справится. Вместо корзины для съестного и подол сойдёт. А завтра спозаранку она на охоту отправится: шкурками разжиться и мясом, чтобы опосля в Белозёрку наведаться, на крупу с мукой обменять, да мелочь разную.

Воротилась Верея к избе, когда солнце уже опустилось за земную твердь, прорвало, только пламенеющие облака, кои сгрудились над его подземными хоротами.

Полный подол грибов несла, да узелок малины – повезло нарваться на кусты душистые. Больше бы набрала, но стемнело быстро, хоть глаз выколи! И дождик с небес начал покрывать.

Зорко обратно к порогу привёл... на котором Яробор сидел, её поджидал.

Да задремал, согнувшись и к ветхим брёвнам боком прислонившись. Лента ткани снова глаза его прикрывала.

В окне виднелся свет от растопленной печи. А возле мужских ног валялся топор и небольшая кучка неровно наколотых дров, как смог он, так и нарубил. Это в его-то плачевном состоянии!

Ну не дурень, а?

– Яробор! – кинулась к нему Верея. Высыпав добытые грибы в пустое ведро, принялась расталкивать спящего. Застудится ведь. – Никак ты ума от проклятья лишился!

Охнула, рассмотрев впотьмах бурые повязки на груди и животе. Всё лечение насмарку!

– М-м-м, – простонал удалой молодец, просыпаясь. Вдруг ухватил её за плечи некрепко и заворачивал языком: – Вернулась.

– Вернулась я, куда же денусь? А ты что натворил! Зачем за топор взялся, бедовый? – отчитывала его, как дитя неразумного. Впрочем, так он себя и повёл. – Вся грудь в крови, и как только боль терпишь?

Хорошо, что за ней в чащу не потащился. Как бы Верея потом его в дом волокля, тушу эту неподъёмную?! Истинный дурень, а не богатырь княжий.

– Хотел быть полезным, а не нахлебником... – ляпнул в оправдание.

– А ну, помощник, поднимайся и в дом пошли, пока дождь не полил. – Верея высвободила руки из захвата, в бока сердито упёрла. Ишь ты, полезным он быть хотел! – Сможешь?

– Смогу, смогу, – княжич улыбался, слушая ворчливый гневный голосок девицы, в котором проскальзывало беспокойство.

Вернулась... а он уж испугался, что не придёт больше. Ругает, но тревожится за него светлокосая. Пусть себе рычит. Заслужил. Прям улада для ушей.

Выпрямил спину до хруста в позвонках, старался морщиться при ней не сильно, пока вставал. Раны и каждая мышца в теле нещадно ныли. Расплата настигла за подвиги. Всё-таки

переусердствовал. Переоценил свои силы и возможности. Девица помогла в дом взобраться, ноги заплетались.

Глава 7

– Садись, вот так. Я сейчас, – Верея усадила бедового на скамью в сенях, а сама кинулась к печи, воды подогреть в карчаге. Да лучины зажгла.

Пока возилась, Яробор сам пытался содрать с себя повязки, вернувшись к нему, она только вынужденно вздохнула, увидев, чем он занимается. В пору руками всплеснуть в негодовании, но заняты обе.

– Ты что это делаешь? Не отрывай их насильно от ран! – со стуком поставила на скамью рядом с ним большую деревянную миску с теплой водой и возле неё сгрузила чистые лоскуты льна, порезанные с его испорченной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.